

«Обжигающе страстный,
восхитительно непредсказуемый,
шедевральный любовный детектив!»

TV Ultra

«Это больше, чем захватывающий детектив.
Больше, чем чувственный эротический триллер.
Больше, чем волнующий любовный роман.
Это настоящая проза, от которой
невозможно оторваться!»

Dagbladet Urban

«Если бы вам, как героине этого детектива,
пришлось разрываться между положительным,
но смертельно скучным поклонником и склонным
к насилию, но восхитительно страстным
и искусным любовником, – кого бы выбрали вы?»

Ekstra Søndagsavisen

РУНЫ СМЕРТИ РУНЫ ЛЮБВИ

«После смерти Стига Ларссона шведы недолго оставались мировыми
лидерами детективного жанра – датские авторы бьют их рекорды!
Столица любовного детектива переносится из Стокгольма
в Копенгаген...»

Skandinaviske Massekultur&Medier

ИНГЕ КРИСТЕНС

18+

Инге Кристенс

Руны смерти, руны любви

«Автор»

Кристенс И.

Руны смерти, руны любви / И. Кристенс — «Автор»,

Полиция Копенгагена сбилась с ног, разыскивая серийного убийцу, который оставляет на телах жертв загадочные татуировки, отдаленно напоминающие скандинавские руны. Молодой женщине-полицейскому психологу предстоит прочесть эти послания и разгадать тайну личности маньяка, но стоило ли ей допускать подозреваемого в свою личную жизнь? Правда ли, что близость смерти является сильнейшим афродизиаксом? Каково это – быть без ума от мужчины, который может оказаться жестоким убийцей? Поможет ли рискованный сексуальный опыт разоблачить преступника? И как далеко ей придется зайти, чтобы расшифровать РУНЫ ЛЮБВИ И СМЕРТИ?

© Кристенс И.

© Автор

Содержание

1	6
2	14
3	22
4	29
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Инге Кристенс

Руны смерти, руны любви

Автор выражает свою безмерную признательность тем, без чьей помощи эта книга никогда не была бы написана, а именно:

- инспектору Николасу Андерсену, любезно и терпеливо отвечавшему на мои многочисленные вопросы, касающиеся работы полиции Копенгагена;
- доктору Присцилле Сеестед, жизнерадостный характер которой, и готовность прийти на помощь совершенно не вязался с моим прежним представлениям о патологоанатомах;
- доктору Расмусу Брорсену, моему проводнику по загадочному миру человеческой психики;
- моему агенту Хельге Олесен, поддержка которой очень много для меня значила;
- профессору Лукасу Хейнесен-Шмидту, советы которого были поистине неоценимыми;
- куратору художественного музея Рибе Бьярне Могенсену, который знает ответы на все вопросы, касающиеся искусства и не только;
- Рамешу Премчанду, корифею художественной татуировки;
- и моему другу Карлу, который всегда меня понимает.

Abyssus abyssum invocat¹

¹ «Бездна взывает к бездне» – лат.

1

– Серийные убийцы не дураки, иначе им никогда не стать серийными убийцами. Иначе они попадутся на первом или на втором случае. На везение, знаете ли, уповать не стоит. Сегодня везет, а завтра может не повезти. Серийного убийцу не так-то просто вычислить, но мы делаем все, что в наших силах...

Для сорокадвухлетнего Якоба Йенсена должность комиссара полиции являлась не венцом карьеры, а всего лишь одной из ступенек – предпоследней – на пути к креслу министра юстиции. Йенсен не скрывал своих амбиций и, кажется, искренне верил в то, что его призвание – изменять мир к лучшему.

Сейчас он выглядел не самым лучшим образом. Журналисты, собравшиеся на очередную пресс-конференцию посвященную поимке Татуировщика, методично макали Йенсена в дерьмо, а он стоически ждал, пока они натешатся. Менее честолюбивый комиссар не стал бы прилюдно подставляться в качестве мальчика для битья, а спихнул бы эту неприятную миссию на кого-нибудь из подчиненных, хотя бы на своего заместителя Хеккерупа, который сейчас важно надувал щеки, сидя по правую руку от патрона. Хеккеруп осуществляет непосредственное руководство полицией Копенгагена, считается (только считается), что именно он руководит поисками Татуировщика, но разве комиссар Йенсен может позволить себе упустить хоть одну возможность покрасоваться перед камерами? Йенсен дальновиден, про таких ютландские рыбаки говорят «со своего порога заглядывает за горизонт», он понимает, что рано или поздно Татуировщик будет пойман и тогда наступят дни великого триумфа. Вся Дания будет восхищаться комиссаром Йенсеном, забыв о том, сколько бочек дерьма было вылито на его голову. К тому же, людям импонируют руководители, способные открыто говорить о проблемах своего ведомства и Йенсен умело играет на этой струне.

– Напомните, комиссар, сколько жертв на счету Татуировщика?

Вопрос можно было не задавать. Вся Дания знает, что двадцатилетняя Камилла Миккельсен стала тринадцатой жертвой Татуировщика. Камилла Миккельсен – красивое имя, имя, у которого есть ритм, шарм. У самой Камиллы, судя по прижизненным фотографиям, шарма тоже хватало. Татуировщик предпочитает иметь дело с молодыми и красивыми.

– Нам известно о тринадцати, – ответил Йенсен.

Хорошо ответил, правильно. Во-первых, формулировка правильная – «нам известно». Скажи он просто «тринадцать», сразу бы последовал уточняющий вопрос. Во-вторых, нахмурился и весь как-то помрачнел, показывая, как тяжело ему говорить о жертвах. Такие нюансы незамеченными не проходят. Сострадание ценится.

– Сейчас его спросят, почему Татуировщик делает жертвам татуировки, – сказал Оле Рийс.

Конференция была далеко не первой, а вопросы каждый раз задавались одни и те же и примерно в той же последовательности, так что никто не стал удивляться дару предсказания, внезапно прорезавшемуся у Оле.

– Есть ли у полиции новые версии, касающиеся татуировок, которые оставляет убийца?! – выкрикнула остроликая брюнетка с канала TV2².

– Пока нет, – Йенсен развел руками.

– Это какое-то послание или просто игра больного воображения?

– Не могу сказать ничего конкретного.

² Новостной канал датского телевидения.

«Самовлюбленный павлин! – подумала Рикке, глядя на лощеную физиономию комиссара. – Ты вообще никогда не можешь сказать ничего конкретного. Сам не можешь, и другим не даешь!»

Она представила Йенсена в виде распустившего хвост павлина и закусила губу, чтобы не рассмеяться. Сдержать смех не удалось, потому что воображаемый Йенсен-павлин вдруг сменил свое оперение на розовый костюм из латекса, а роскошный хвост опал и превратился в конский хвост, приделанный к анальной пробке.

Рикке не имела ничего против латекса и анальных пробок. Только неделю назад спустила недельную зарплату на умопомрачительное латексное бюстье с подвязками и три пары чулок к нему. Бюстье выглядело обольстительно даже на манекене, а уж когда Рикке натянула его на себя, то поняла, что не ошиблась с выбором. Грудь в нем казалась больше, а стоило чуть наклониться, как зад оголялся так соблазнительно... Это ведь две совершенно разные вещи – просто голый зад и соблазнительно оголенный зад, огромная пропасть лежит между ними. Просто голый зад может возбуждать похоть, а соблазнительно оголенный вдобавок будоражит воображение, очаровывает, придает наслаждению утонченную пикантность. Кому-то, может, все едино, но эстетика – удел избранных, тех, кто способен понимать прекрасное и наслаждаться им.

Комиссар Йенсен склонялся к версии, согласно которой Татуировщик был иммигрантом, занимавшимся у себя на родине татуажом. Версия опиралась на странный рисунок татуировок, отдаленно напоминавший китайские иероглифы и комиссарскую интуицию. Йенсен умел окружать себя единомышленниками («подобострастными дураками» по классификации Рикке), поэтому его версии считались в столичной полиции основными, практически – единственно верными. Рикке пыталась высказать свое мнение, однажды даже сделала это в присутствии Хеккерупа, но тот отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. Отмахнулся в прямом смысле этого слова – скривился, будто лимон лизнул и пренебрежительно махнул рукой. Чего еще можно ожидать от сына лавочника из Асаа? Человек не в силах постоянно скрывать свою внутреннюю сущность, она то и дело проглядывает сквозь тонкий слой искусственного и наносного. Рикке так и подмывало в ответ показать Хеккерупу язык, но она сдержалась. Не стоит опускаться до уровня сыновей лавочников, да еще чего доброго Хеккеруп решит, что Рикке с ним заигрывает. Интересно, а он в таком случае сможет обвинить ее в харрасменте? Есть ли судебные прецеденты, когда в харрасменте обвиняли женщин? Надо бы уточнить, а то ведь кое-кто может отыгаться за подмигивания.

– Господин комиссар, когда же, наконец, жительницы Копенгагена смогут спать спокойно? – спросила корреспондентка Politiken³

Она могла спать спокойно уже сейчас – с таким некрасивым лицом, да еще украшенным россыпью прыщей на лбу, практически нет шансов угодить в жертвы к Татуировщику. Бедная, хоть бы челку отрастила...

– Мы делаем все возможное, – сухо ответил Йенсен.

– Вы делаете это уже третий год! – напомнил долговязый корреспондент DR1⁴.

– Наш противник изобретателен и непредсказуем, – вяло парировал Йенсен. – Смею вас заверить, что мы не сидим сложа руки. Мы значительно продвинулись в своей работе...

– А Татуировщик продвинулся еще больше – уже тринадцать человек убил! – выкрикнули кто-то из последнего ряда.

Некоторые из присутствовавших на конференции журналистов позволили себе сдержанные улыбки.

³ Politiken – датская ежедневная газета.

⁴ Ведущий датский национальный телеканал.

– Убийце недолго осталось гулять на свободе, – уверенно заявил Йенсен. – Скоро он будет пойман. Точные сроки я назвать не могу, но...

Оле взял валявшийся на соседнем кресле пульт и выключил телевизор.

– Вечером можно ждать очередной истерики Малыша Угле⁵, – сказал он.

Мальшом Угле за внешнее сходство с филином за глаза и втихаря звали Хеккерупа. Оле мог позволить себе высказывать подобное во всеуслышание, потому что его контракт истекал в будущем году, а на продление надеяться не приходилось. Пару месяцев назад Оле начал осторожно прощупывать почву, но ему недвусмысленно заявили, что пожилой возраст и отсутствие каких-либо значимых служебных достижений делают его дальнейшее пребывание в рядах полиции невозможным. Отсутствие достижений? Какие могут быть достижения у рядового детектива? Рядовым детективам традиционно достаются только пинки да окрики, а все лавры присваивает себе руководство. Если завтра Оле схватит за шкирку Татуировщика, то героями дня станут Йенсен с Хеккерупом. «Отсутствие каких-либо значимых служебных достижений» это всего лишь предлог для того, чтобы избавиться от неудобного сотрудника старой закалки, не склонного к лести и вылизыванию начальственных задниц. Ну и проблемы с алкоголем не добавляют Оле плюсов, скорее наоборот. Оле не напивается до бесчувствия по выходным, как это делает большинство. Он равномерно распределяет норм выходного дня на всю неделю, в результате чего от него постоянно пахнет спиртным. Пахнет, но этого уже достаточно для косых взглядов. Центральное управление полиции Копенгагена это не какое-нибудь сельское отделение, да и год сейчас не 1988-й, а 2012-ый.

Рикке нравился Оле Рийс. И она ему тоже нравилась. Мир так устроен, что парии тянутся друг к другу. Их сближает как неприязнь со стороны окружающих, так и неприязнь, которую они испытывают в ответ. Кроме того, Оле был одинок и, подобно большинству одиноких людей, испытывал неосознанную потребность заботиться о ком-либо, а взбалмошная, непутевая и неприкаянная Рикке как нельзя лучше подходила ему в качестве объекта. Сама же Рикке всегда мечтала о таком отце, как Оле – все понимающем и снисходительном. Одно только несоответствие – в мечтах Рикке отец (которого она, кстати говоря, ни разу не видела) представлялся влиятельным, обеспеченным мужчиной, легко решающим любые проблемы... Но годам к двадцати Рикке научилась решать все проблемы самостоятельно, не рассчитывая на чью-то помощь. Сама в шутку говорила, что во всех сферах жизни, кроме сексуальной, привыкла рассчитывать только на себя. В сексе же наличие хотя бы одного партнера обязательно. Мастурбация годится, как вынужденная мера, при помощи которой можно снять напряжение, не более того. Душу мастурбацией не порадуешь, тем более что для души Рикке много чего требовалось. Во-первых, партнер должен нравиться. Нравиться по-настоящему, настолько, чтобы при одном лишь воспоминании о нем тело охватывала приятная истома, чтобы ждать часа свидания с нетерпением, с нетерпеливым предвкушением щедрой порции радости. Во-вторых, партнер должен чувствовать настроение Рикке и она должна чувствовать его настроение. В определенных случаях, когда один повелевает, а другой подчиняется, это очень важно. Подобно любому творческому процессу, секс немислим без импровизации и очень важно импровизировать так, чтобы партнеру твоя импровизация была в радость. Невозможно оговаривать каждое действие, немисливо всякий раз спрашивать позволения, прежде чем сделать, потому что при таком подходе таинство превращается в спектакль, некое отрететированное действие, в целом приятное, но лишенное тех искорок, изюминок и особенностей, которые дарят настоящее наслаждение. Однажды Рикке чуть не умерла со смеху, когда партнер (впрочем, до «партнерства» с ним так и не дошло), раздев ее и раздевшись сам, поинтересовался: «Милая, можно я надену на тебя наручники?». Рикке смеялась ему в лицо, смеялась громко, бесстыдно, невежливо, понимала, что поступает нехорошо, но остановиться не могла. А когда отсмеялась, то объяс-

⁵ Ugle – филин (датск.)

нила, что настоящий господин никогда не спрашивает позволения у рабыни, а грубо заламывает ей руки и приковывает к чему надо. Это БДСМ, детка, здесь все по-взрослому. Или играй по правилам или не играй вообще.

Дружно проигнорировав реплику относительно Малыша Угле, сотрудники встали и гуськом покинули комнату релаксации. Каждый из них мог наблюдать за пресс-конференцией на экране своего рабочего компьютера, но датчане никогда не упустят возможности лишней раз собраться вместе. Собраться вместе и продолжать замыкаться в себе. Нация эгоцентричных индивидуалистов, одержимых стадным чувством.

Рикке осталась сидеть где сидела, только изменила позу – подняла ноги на кресло и крепко обхватила их руками, словно боялась, что ноги могут убежать. Оле, выходявший последним, обернулся с порога, но ничего не сказал, понял, что сейчас Рикке не до него. И не только не до него, а вообще ни до кого.

Рикке предавалась своему любимому занятию – смотрела в потолок. На самом деле она не просто смотрела, а думала, просто ей удобнее было думать, глядя в потолок. Лучше когда на потолке есть трещинки или пятна, любого размера, лишь бы глазом зацепиться. Гладкие потолки, такой вот, как сейчас, Рикке любила меньше, но ничего, сойдет и такой, главное, что вокруг нет никого и дверь (спасибо заботливому Оле) плотно закрыта. Можно расслабиться и подумать.

О ком?

Странный вопрос. Конечно же, о Татуировщике! Об этом эстетствующем серийном убийце, орудующем в Копенгагене уже два года и три месяца. Сексуальное насилие с использованием не только собственного естества, но и разных подручных предметов, удушение проволокой (возможно, что фортепианной струной) и посмертная татуировка на теле жертвы – вот почерк Татуировщика. Некоторых он еще и связывал напоследок в стиле сибари.⁶ Уже после того, как заканчивал татуировку. Связывал обычной капроновой веревкой, а не натуральными, пеньковыми или, скажем, льняными, которые обычно используют любители этого искусства. Капроновая веревка – это плохо. Продается во всех магазинах, по всей Дании, по всей Европе, по всему миру... Невозможно выйти на покупателя по образцу. Пеньковая, продающаяся в специальных салонах, куда перспективнее в плане поиска. Наверное, потому-то Татуировщик ее и не использует. Умен, мерзавец. В эротическом связывании жесткие капроновые веревки стараются не использовать, потому что они причиняют лишнюю боль и могут испортить все удовольствие. У боли, как, например, и у лекарств, существует своя дозировка.

Обнаженные тела своих жертв, аккуратно упакованные в черную полиэтиленовую пленку и перетянутые поверху скотчем, Татуировщик оставлял в разных местах, у которых было одно общее качество – отсутствие камер наблюдения. Первый татуированный труп был найден в центре, на Готерсгэд, возле ограды Ботанического сада. Последний – возле мусорного бака на одной из тихих улочек уважаемого Херсхольма⁷. Прислуга-филиппинка пошла рано утром выбрасывать мусор, надорвала из любопытства упаковку и разбудила своим визгом всю округу. Татуировщик не сильно стягивал пленку на концах, поэтому труп было принять за ковер или рулон чего-нибудь.

Первой жертве Татуировщика было двадцать два года, последней – двадцать лет. Самой старшей, уборщице из «Иллума»⁸ – двадцать шесть. Самой младшей – семнадцать. Уборщица, которую звали Моника Блажевич и менеджер строительной компании «М+М» Катрин Зельден были иностранками, одна приехала в Данию из Польши, другая из Германии. Все остальные

⁶ Сибари – японская техника эстетического бондажа с преимущественным использованием веревок, отличающаяся эстетичностью и повышенной сложностью обвязок.

⁷ Херсхольм – город-спутник Большого Копенгагена.

⁸ Торговый центр в Копенгагене.

жертвы были датчанками. У некоторых жертв на теле не было ни одной татуировки, у некоторых были, но живот у них оставался чистым. Татуировщик наносил свой рисунок на живот жертвы, немного выше пупка и строго по центру. Аккуратный такой рисунок, размером с сигаретную пачку или чуть больше. Аккуратный и непонятный.

После пятого убийства стало ясно, что Татуировщику нравятся хрупкие большеглазые блондинки, если не сногшибательно красивые, то, во всяком случае, симпатичные. Рикке тоже была худенькой большеглазой блондинкой, только в глазах ее вместо кукольной непорочности плясали бесовские огоньки. Возможно, что эта схожесть с жертвами и побуждала Рикке уделять Татуировщику столько внимания. А может, главной причиной слала любовь к разгадыванию психологических загадок, познанию мотивов, управляющих людьми, иначе говоря – профессиональное любопытство психолога, специализирующегося на проблемах межличностного насилия. И не просто какого-то психолога, а штатного сотрудника Главного полицейского управления Копенгагена.

Даже самому тупому троллю было ясно, что Татуировщик не просто развлекается в силу своих пристрастий, а пытается что-то сказать миру, донести до окружающих какой-то мессидж. Иначе, зачем бы ему было раскладывать тела своих жертв по Копенгагену и его окрестностям? Что-что, а избавиться от мертвого тела в Копенгагене не проблема – море под боком. Поруби на куски, разложи по пакетам и побросай в воду. «Декстера»⁹, кажется, все смотрели. Во всяком случае, любой уважающий себя серийный убийца (а эта публика себя уважает) просто обязан быть фанатом этого сериала.

Рикке считала, что полицейский психолог не вправе оставаться в стороне, когда полиция разыскивает серийного убийцу. Безуспешно, причем, разыскивает. Уже два года разыскивает и никак не может найти. Да что там найти – за эти два года никто так и не понял, что означают странные татуировки на телах жертв. Напоминает китайские иероглифы, но всего лишь напоминает. Авторитетные консультанты, знатоки китайского языка, не смогли расшифровать ни одну из татуировок. Сошлись на том, что стиль написания схож с принятым в китайской каллиграфии, а вот сами рисунки иероглифами не являются.

Одно тело – одна татуировка – один рисунок, похожий на иероглиф. Как быть? Как прочесть? Как все это понимать? Один рисунок несет в себе послание отдельное или для расшифровки надо собрать их вместе? Умные головы не могли сказать ничего определенного и умные компьютеры тоже. В результате все больше и больше народу склонялось к тому, что татуировки – это просто такие рисунки, плод больного воображения. Именно больного, ведь в здравом уме никто не станет развлекаться подобным образом. Любой серийный убийца социопат с кучей психических отклонений. С целой кучей, не с одним.

Почему некоторые тела удостаиваются «чести» быть связанными, а некоторые не удостаиваются? Какой посыл несут в себе веревки? Рикке, будучи довольно искушенной в связывании (хотя и никогда не фанатела от него), подозревала, что веревки призваны подчеркивать беспомощность жертвы. Мало Татуировщику чувства своего превосходства, нужен ему еще и этот штришок.

Как можно надеяться поймать Татуировщика, не прибегая к помощи психологов? К ней прибегали – два-три месяца после очередного убийства к Рикке шел поток подозреваемых. Она добросовестно беседовала с каждым, делала выводы, писала обстоятельные заключения... и все без толку. Но стоило ей однажды заикнуться о том, что она могла бы принять в поимке Татуировщика не пассивное, а активное участие, то есть не работать с теми, кто попал под

⁹ «Декстер» – американский телесериал канала Showtime рассказывающий о Декстере Моргане, серийном убийце, работающем экспертом по брызгам крови в полиции Майами. Декстер выбрасывает расчлененные тела своих жертв в воды Атлантического океана.

подозрение, а непосредственно участвовать в поисках, возможно даже – определять их направление, как ее тут же подняли на смех.

– Рикке – ты сегодня в ударе!

– Рикке, ты решила переквалифицироваться в детективы?

– Метишь в министры юстиции, а Рикке?

Жирный боров Магнус Йоргенсен, насколько толстый, настолько и противный, высказал вслух предположение о том, что Рикке пора выйти замуж и посвятить себя семейным заботам. Пришлось объяснить дураку, до чего могут довести подобные сексистские замечания. Веселье мгновенно слетело с Йоргенсена, он долго извинялся и объяснял, что не имел в виду ничего такого, а просто ляпнул не подумав, но по глазам было видно, что именно так он и думает, просто не хочет нарваться на судебный иск и крупные неприятности по службе.

И все остальные думали так, даже женщины-полицейские. Все, кроме Оле. Кто такая эта Хаардер? Девчонка, психолог, в управлении без году неделя (Рикке перешла на работу в полицию полтора года назад), а вмешивается в святая святых – в розыск серийного убийцы. Сидела бы, молчала бы, набиралась бы ума...

Ума у Рикке было не занимать. Она видела, что поиски Татуировщика всякий раз заходят в тупик. Уже сложился некий стереотип – после каждого нового трупа полиция обходила все тату-салоны, перетрясала сквозь мелкое сито подозрительных иммигрантов, присматривалась к таксистам... Почему именно к таксистам? Да потому что поиски Татуировщика среди знакомых его жертв ничего не давали, вот и родилась версия о его случайном знакомстве с жертвами. А кому, если не таксисту, удобнее всего украсть человека в Копенгагене так, чтобы никто ничего не заметил?

Впрочем, присматривались не только к таксистам. Присматривались и к парамедикам, и к полицейским... Ко всем, кто может войти в доверие и заманить в ловушку. Ко всем, кто может, не привлекая особого внимания, похитить человека. Не остались без внимания клиенты психиатров, а также лица, чья склонность к насилию была известна. Подозреваемых находилось много, Татуировщик же был неуловим.

Маститые психологи в сотрудничестве с известными психиатрами участвовали в составлении психологических портретов убийцы. Портреты выходили расплывчатыми и практического значения не имели. Рикке не была маститым психологом, поэтому от нее отмахивались, словно от назойливой мухи. Прошло два года, но о Татуировщике ничего не было толком известно. Только предположительно.

Предположительно – мужчина.

Предположительно – в возрасте между тридцатью и сорока годами.

Предположительно – коммуникабелен.

Предположительно – силен физически...

И так далее.

Из всех этих «предположительно» Рикке признавала два. Татуировщик – определенно мужчина и он физически крепок. Ну то, что физически крепок ясно, хотя бы по тому, как он «разбрасывается» телами. Это же надо делать быстро и без посторонней помощи. Что же касается пола, то вывод о принадлежности Татуировщика к мужчинам был сделан на основании тщательного изучения того, что он проделывал со своими жертвами при жизни, то есть – как он их насиловал. Спермы и прочего чужеродного ДНК ни в трупах, ни на них обнаружено не было, но вот характер повреждений половых органов, говорил о том, что их нанес мужчина. К такому заключению пришли авторитетные эксперты, специалисты по отношениям между полами и причин не доверять им у Рикке не было. Да и сама она интуитивно чувствовала, что Татуировщик, которого никто не видел, мужчина. Этого не объяснить словами, это интуитивное. В воображении Рикке татуировщик представал мужчиной. Высоким, хорошо сложенным, энергичным мужчиной с размытым пятном на месте лица. Таким она его видела, таким он ей

снился. Во сне он с машинкой в руке, склонялся над очередной своей жертвой и увлеченно работал, не обращая внимания на Рикке. А Рикке никак не могла ему помешать. Пыталась кричать, но из горла не вырывалось ни звука, пыталась дотянуться, но не могла, пыталась добежать, но ноги отказывались ей повиноваться. Татуировщик продолжал стрекотать машинкой (во сне она ужасно громко стрекотала) и, время от времени, издавал ехидный смешок, словно констатировал, что никому его не поймать.

Он думал, что поймать его невозможно, но на самом деле поймать – это очень просто. Если, конечно, хорошо представлять, кого надо ловить. Не зверя с татуировочной машинкой, а кого-то другого – преподавателя математики из колледжа, охранника, электрика, армейского капитана или, скажем, капитана рыболовецкого судна...

Или же надо четко представлять, где и когда окажется зверь, на которого идет охота.

Или же надо выманить зверя из логова. На приманку.

Только вот где ее разбросать эту приманку?

Рикке очень хотела вычислить Татуировщика. Причин у нее было много. Ей надо было постоянно доказывать себе, что она чего-то стоит. Ей хотелось утереть носы тем, кто смотрел на нее свысока. Ей надоело втягивать голову в плечи, заходя поздно ночью к себе в подъезд. Ей было жаль тех девушек, которых Татуировщик уже убил, и особенно остро тех, кого ему еще предстоит убить.

Оле Рийс хотел поймать Татуировщика. Скрутить, надеть браслеты и притащить в управление. Ну, может, врезать ему разок-другой по дороге, рука у Оле была тяжелая. Как настоящий полицейский, Оле не мог смириться с мыслью о том, что убийца разгуливает на свободе. Вдобавок, ему хотелось как можно громче хлопнуть дверью напоследок.

– Это же очень важно, как уйти, – не раз объяснял он Рикке. – Списанным за ненужностью (иногда Оле говорил «за никчемностью») или победителем. Ты чувствуешь разницу, девочка? Впрочем, у тебя еще будет время, чтобы ее почувствовать...

Рикке чувствовала разницу и прекрасно понимала, что испытывает человек, которому смачно плюнули в душу. Успела уже изучить на собственном опыте.

Недавно у Рикке появилась идея, которая очень скоро оформилась в план. Рикке, по обыкновению, попыталась донести эту идею до коллег-полицейских. Оскорбительного смеха и не менее оскорбительных замечаний на этот раз не услышала, но и понимания не встретила, хотя озвучила идею во время совещания. А для чего существуют совещания? Для того, чтобы люди обменивались мнениями. Но мнений может быть много, а правильная версия бывает только одна – та, которой придерживается руководство. Покойная Камилла Миккельсен, жертва номер тринадцать, некоторое время работала официанткой в ресторанчике, принадлежавшем одному боснийцу из Нёрребро¹⁰ по имени Душко Балич. Родной брат Душко, Един Балич работал в тату-салоне на Тагенсвей. Един уже попадал в поле зрения полиции, вместе со всеми сотрудниками (и владельцами) многочисленных тату-салонов Копенгагена. Но раньше он был одним из многих, а теперь оказался косвенно связанным с последней жертвой Татуировщика и стал подозреваемым номер один. К тому же Един Балич превосходно укладывался в рамки версии о Татуировщике-иммигранте, которой придерживался сам комиссар Йенсен.

Пока «лучшие силы полиции» (одно из любимых выражений Йенсена) занимались боснийцами, мысли Рикке текли в другом направлении. Иногда она слегка уклонялась от темы и думала о том, что испытывали в последний час своей жизни жертвы Татуировщика.

Хорошо это или плохо, когда твой мир сужается до одного человека, во власти которого ты находишься? Хорошо это или плохо, когда боль, смешиваясь со страхом, взрывается

¹⁰ Нёрребро – район на северо-востоке Копенгагена, один из 10 городских округов, преимущественно население составляют иммигранты-мусульмане – арабы, турки, пакистанцы, боснийцы, албанцы, сомалийцы.

и выжигает все внутри тебя? Есть ли в этом только ужас или же это есть наслаждение, испытав которое не жаль и умереть, потому что ничего лучше все равно не испытаешь? Каково это – знать, что все происходит на самом деле, что это не игра, которую можно прервать, произнеся «стоп-слово»? Принадлежать всецело означает отдать все, вплоть до права распоряжаться собственной жизнью? Отсутствие надежды на спасение обостряет чувства или наоборот – притупляет? Сознание того, что ты переживешь самое последнее впечатление в твоей жизни, усиливает испытываемое наслаждение или нет?

Интерес Рикке был не совсем праздным.

2

Начальник отдела убийств Мортенсен был копией матери Рикке. Не внешне, внешне между ними никакого сходства не было, а внутренне. Один и тот же характер, одна и та же манера поведения, одна и та же жизненная концепция. Мать искренне верила в то, что весь мир должен вращаться вокруг нее, и Мортенсен придерживался тех же взглядов. Мать требовала от окружающих (разумеется, от тех, от кого она могла требовать) безоговорочного повиновения, и Мортенсен требовал того же. Мать наслаждалась, унижая Рикке и Эмиля, и точно так же Мортенсен получал удовольствие, втаптывая в грязь кого-то из подчиненных. В такие минуты серое тусклое лицо Мортенсена становилось ярче, словно кто-то смахнул с него пыль, в глубоко посаженных глазах появлялось нечто вроде блеска, а уголки губ едва заметно растягивались, что означало улыбку. С таким характером противопоказано руководить людьми, но так думали те, кто подчинялся Мортенсену. Те, кому подчинялся Мортенсен, были им довольны. Знаток своего дела, требовательный к себе и к подчиненным, да еще и чутко держащий нос по ветру – да о таком подчиненном можно только мечтать! К тому же Мортенсену недавно исполнилось шестьдесят лет. Помимо права на досрочную пенсию, которым Мортенсен не воспользовался, этот возраст ставил крест на дальнейшем карьерном росте, что в глазах заместителя комиссара Хеккерупа было дополнительным преимуществом – можно было не опасаться конкуренции со стороны Мортенсена. На отношении руководства сказывалось и то, что шурин Мортенсена был депутатом парламента от Датской народной партии¹¹. Не бог весть какая шишка, но все же при случае может доставить определенные неприятности, а при другом случае может быть полезным.

Незыблемую позицию Мортенсена не мог поколебать даже Татуировщик, за которым отдел убийств безуспешно охотился два с лишним года. Но не следовало думать, что Мортенсен относился к поиску Татуировщика спустя рукава. Мортенсен ничего не делал спустя рукава, а неуловимого Татуировщика считал не только самым опасным преступником в Дании, но и своим личным врагом. В узком кругу, то есть – наедине со своим заместителем Карлом Эккерсбергом, Мортенсен позволял себе весьма рискованные замечания, вроде того, что таких ублюдков как Татуировщик надо убивать прямо во время ареста. Заместитель Эккерсберг был настроен не столь радикально, ибо в глубине души он был больше юристом, законником, нежели полицейским, но, тем не менее, соглашался с Мортенсеном. Эккерсберг надеялся со временем пересесть в кресло начальника отдела убийств, и прекрасно понимал, что это в первую очередь будет зависеть от характеристики, которую даст ему босс. В управлении полиции было принято прислушиваться к мнению лиц, оставляющих тот или иной пост, в отношении их вероятных преемников. Особенно, если эти преемники, долгое время работали под руководством уходящего.

Приглашение на совещание в отдел убийств Рикке восприняла без особого энтузиазма, потому что знала – ей по обыкновению придется отвечать на вопросы, которые будут заданы, не более того. Высказывать свое мнение или делиться предположениями бесполезно. Мортенсен кивнет, давая понять, что принял сказанное к сведению, Эккерсберг вежливо улыбнется, жирный боров Йоргенсен улыбнется ехидно, а Оле ободряюще подмигнет и на этом все закончится. Если бы Рикке работала в какой-нибудь торговой или производственной компании, то могла бы просто посмеиваться над коллегами, считающими себя умнее Кнуда Великого.¹² Рано или поздно любой такой «умник» попадет в яму, которую сам себе вырыл. Но, что такое «поздно», когда речь идет о серийном убийце? Это чьи-то жизни. Это новые жертвы.

¹¹ Национал-консервативная партия Дании, третья политическая партия по значимости в парламенте.

¹² Кнуд Великий или Кнуд Могучий (994/995–1035) – король Дании, Англии и Норвегии, славившийся своей мудростью.

Коридоры в огромном здании столичного полицейского управления были длинными и канцелярски-унылыми. Суровый деловой стиль, место, где работают серьезные люди. Черный пол, белый потолок, тусклые стены, которые кажутся серыми, вне зависимости от того, в какой цвет они окрашены на самом деле. На взгляд Рикке, коридоры можно было бы «оживить», развесив по стенам картины или какие-нибудь постеры, но эту идею она предпочитала не озвучивать, чтобы не добавлять к репутации выскочки, сующей нос не в свои дела, репутацию полной идиотки. На ее рабочем месте с офисной тоской успешно боролся Снулле – лопухий пес ярко-оранжевого цвета, купленный в «Фётексе»¹³ и врученный в подарок самой себе. «Дорогая Рикке, пусть этот пес защищает тебя от врагов и неприятностей... Та-та-та-там!» Одно дело просто купить игрушку, и совсем другое торжественно подарить ее себе перед зеркалом, а затем не менее торжественно дать ей имя. «Нарекаю тебя Снулле в честь Скуби-Ду¹⁴ и...» Ладно, дальше можно не вспоминать. Мужчина по прозвищу Нулле давно был вычеркнут из жизни, даже не вычеркнут, а выброшен и почти забыт. Можно считать, что «Снулле» это датский вариант имени «Скуби-Ду».

В большом кабинете Мортенсена тоже нашлось место личному – фотографии, на которой Мортенсен красовался в лыжном костюме и с палками в руках на фоне деревьев, обильно присыпанных снегом. Фотография висела на стене не просто так (Мортенсен вообще ничего не делал просто так), а со смыслом – показывала всем, что старина Ханс, несмотря на свои шестьдесят и нездоровый цвет лица, еще бодр и крепок. Рикке отдала бы треть своей месячной зарплаты за возможность оказаться на пять минут одной в кабинете Мортенсена и «доработать» его фотографию маркером. Вот бы смеху-то было! Но, увы, о таком можно было только мечтать. А как здорово смотрелся бы Мортенсен со слоновьими ушами и хоботом...

Рикке пришла последней и села в самом конце длинного стола, возле двери. Ее появления, казалось, никто не заметил. Мортенсен что-то говорил Эккерсбергу. Оле Рийс и Аре Беринг стояли за спиной у старшего инспектора Ханевольда и смотрели на экран его ноутбука. Йоргенсен, прикрыв рот рукой, шептал на ухо криминалисту Нансену очередной похабный анекдот (иначе зачем на ухо шептать?). Инспектор Франнсен, жена которого умирала от рака поджелудочной железы в хосписе Святого Луки в Хеллерупе,¹⁵ сидел особняком, погруженный в невеселые думы.

Рикке открыла рабочий блокнот на чистой странице и положила его на стол. Она так привыкла повсюду ходить с блокнотом, что иногда прихватывала его с собой, когда шла в туалет. Самое смешное, что иногда случалось делать записи и в туалете – умные мысли приходят в голову и там. На память полагаться не стоит, лучше все записывать. Да и думать удобнее, когда в одной руке блокнот, а в другой ручка, причем блокнот не электронный, а бумажный. Бумажный блокнот гораздо удобнее – его можно отшвырнуть от себя, не опасаясь повредить, листы можно рвать на мелкие кусочки, а под настроение из вырванного листа можно сделать самолетик, нарисовать на крыльях веселые рожицы и запустить такой вот «воздушный комплимент» в окно. А еще бумажные блокноты не нуждаются в подзарядке. Рикке была уверена в том, что существует всемирный заговор девайсов иначе как можно объяснить то, что все они склонны разряжаться в самые неподходящие моменты.

Сигналом к началу совещания стало покашливание начальника отдела. Секунда-другая и разговоры прекратились. Рийс и Беринг сели на свободные стулья. Франнсен вернулся к действительности и тоже смотрел на Мортенсена.

– Вчера я имел несколько неприятных разговоров, – известил Мортенсен. – Самым неприятным был разговор с мэром. Он выразил огромное недоумение тем, что Татуировщик

¹³ Торговая сеть.

¹⁴ Пес из одноименного мультсериала.

¹⁵ Пригород Копенгагена.

до сих пор не пойман. Что я мог сказать в ответ? Сослаться на то, что Убийцу с Грин-ривер¹⁶ ловили более пятнадцать лет? Или признаться в том, что ни я, ни мои подчиненные не имеют в руках ни одной ниточки, которая могла бы привести к Татуировщику?

Старший инспектор Ханевольд многозначительно хмыкнул. Он мог позволить себе подобную вольность. Ханевольд начинал службу в полиции вместе с Мортенсеном, они считались если не друзьями, то хорошими приятелями.

– Фредрик! – поморщился Мортенсен, поняв, что хотел сказать Ханевольд. – Тысяча косвенных доказательств и десять тысяч подозрений не стоят одной веской улики. Един Балич пока что всего лишь объект для изучения.

– Перспективный объект! – вставил Ханевольд.

Йоргенсен покивал головой, выражая согласие с мнением старшего инспектора.

– Разговор закончился тем, что от меня потребовали действовать более активно, – тонкие губы Мортенсена на мгновение искривились в подобии улыбки. – От всех нас потребовали действовать более активно. Я понимаю нашего мэра. До выборов осталось не так уж и много, а Татуировщик может стать прекрасным козырем в руках любого противника.

– Может случиться так, что Татуировщик станет козырем в руках мэра, – заметил Оле.

Смысл его слов дошел не до всех, но Рикке поняла, что он имел в виду. И Мортенсен понял, потому что никак не отреагировал. Кто знает, что на уме у комиссара Йенсена? Может, он метит не в министры, а в мэры? Тоже ведь хороший пост.

– Включаем мозги и думаем! – для наглядности Мортенсен постучал себя пальцем по лбу (или он просто хотел уточнить, каким местом надо думать?). – Он же не призрак, значит должен оставлять какие-то следы. И к Баличу надо присмотреться как следует. Что там с Баличем Фредерик?

– Работает до позднего вечера, после работы едет домой. По вторникам и пятницам Балич ночует у своей любовницы Анесы Гардович на Наннасгате двенадцать. В другие дни Анеса обслуживает клиентов... Субботние вечера проводит в ресторане «Босанска куца» на пересечении Ягтвей и Фрейасгэд, это нечто вроде клуба для боснийцев. Добропорядочный обыватель, не замеченный ни в чем подозрительном и противозаконном, один штраф за превышение скорости не в счет. Макс убил кучу времени на выяснение подноготной семейства Баличей. Ничего настораживающего или привлекающего внимание не нашел. Обычные иммигранты. Хочешь что-то сказать, Макс?

Сказать «что-то» Франсен не мог. Ему непременно нужно было начать с самого начала и дойти до конца. Подобная обстоятельство делала Франсена незаменимым сборщиком информации и прекрасным аналитиком. Если расставить все по местам и уточнить все детали, то выводы напрашиваются сами собой.

Рикке не слушала Франсена, а пыталась угадать, зачем ее сегодня пригласили на совещание в отдел убийств. Нужен психологический портрет Едина Балича? Изменилась концепция? У Мортенсена появились новые соображения? Или речь пойдет о другом убийстве и другом убийце. В конце концов, не один Татуировщик убивает в Копенгагене... С рабочих мыслей Рикке съехала на личные воспоминания и стала думать о матери. В присутствии Мортенсена так и подмывало думать о матери.

Ничего сентиментального в этих воспоминаниях не присутствовало – одна тоска, душевная боль. Когда-то была и физическая боль, в частые минуты гнева мать с великой охотой пускала в ход все, что попадалось ей под руку, а за неимением чего-то увлеченно действовала голыми руками. Пощечины у нее выходили хлесткими и оглушительно звучными. Закрываться и уворачиваться было нельзя. Попытки избежать наказания воспринимались как сопротивление.

¹⁶ Гэри Леон Риджуэй – американский серийный убийца, совершивший многочисленные убийства женщин в 1980-х и 1990-х годах.

ние и в результате мать еще сильнее выходила из себя. Лучше потерпеть, так гнев уляжется быстрее. Физическое насилие было неразрывно связано с духовным – сразу же после экзекуции полагалось долго унижаться, вымаливая у матери прощения. Можно было бы и не вымаливать, тем более что тяжесть наказания не соответствовала степени вины, а очень часто и вины никакой не было, просто мать пребывала не в лучшем расположении духа, вот и срывалась, но, не видя «раскаяния», мать могла разъяриться снова. И, соответственно, снова начать экзекуцию.

Мать умерла, когда Рикке было двадцать. За год до ее смерти ушел из дома старший брат Рикке Эмиль. Ушел после очередного скандала, наскоро собрав вещи и не сказав, куда он уходит не только матери (что было вполне естественно), но и Рикке. Правда от бывшей детской привязанности между братом и сестрой к тому времени не осталось и следа. Лет с четырнадцати они начали расходиться в разные стороны и, в итоге, разошлись окончательно. Брат пропал, как в воду канул. Сблизившись с Оле, Рикке попросила его поискать Эмиля через полицейскую базу данных, к которой у нее не было доступа. Оле поискал, но нужного человека среди жителей Дании по имени Эмиль и фамилии Хаардер не нашел. Дата рождения не совпала и не было никакого сходства на фотографиях. «Наверное Эмиль перебрался в Швецию, а, может и в Англию, – решила Рикке, хорошо зная характер своего беспокойного брата, искренне верившего в то, что он – гениальный музыкант. Справедливости ради надо заметить, что на барабанах Эмиль отжигал довольно неплохо, но между неплохой игрой и гениальностью – целая пропасть.

– Я специально пригласил сюда госпожу Хаардер, чтобы проконсультироваться...

Услышав свою фамилию Рикке вздрогнула и перевела взгляд с девственно чистой страницы блокнота на Мортенсена.

– Считается, что серийным убийцам свойственно оставлять себе на память какие-то сувениры, напоминающие им об убийстве, – продолжал Морстен. – Это так, госпожа Хаардер?

Йоргенсен изобразил, как рассматривает что-то на свет. Не иначе, как вспомнил Декстера с его капельками крови на стекле. Рикке украдкой подмигнула ему. Йоргенсен нахмурился и раздул и без того толстые щеки. Весело поддразнивать тех, кто тотчас же реагирует. Вот невозмутимому Ханевольду Рикке никогда бы не стала подмигивать. Ему хоть подмигни, хоть обнаженную грудь покажи, хоть что другое – Фредерик даже бровью своей мохнатой не поведет. А Йоргенсен – как ребенок.

– Это не совсем так, то есть не каждому серийному убийце свойственно хранить трофеи, – начала Рикке. – Трофеи обычно хранят только серийные убийцы-гедонисты, то есть те, кто убивает ради наслаждения...

– А что – среди них есть и другие? – вслух удивился Йоргенсен.

– Есть. Серийного убийцу может побуждать к убийству некий руководящий им голос или же убийца может убивать, выполняя какую-то миссию. Типичный пример – убийство проституток ради очищения мира от скверны. Странно, что один из самых опытных сотрудников отдела убийств не знает элементарных вещей...

В словах «один из самых опытных сотрудников» так и звенел сарказм. Йоргенсен покраснел и запыхтел. Мортенсен слегка сдвинул брови на переносице – он не любил, когда кто-то со стороны критиковал или делал замечания его сотрудникам. Оле, не скрываясь, подмигнул Рикке – молодец, хорошо отбрила нашего бравого дурачка.

– В том случае, когда убийце нравится убивать, ему может захотеться оставить себе на память об убийстве какой-нибудь сувенир, чтобы рассматривая его впоследствии, или беря в руки, или нюхая или как-то еще взаимодействуя, освежать в памяти убийство и заново переживать сладостные для него моменты. Татуировщика, скорее всего, можно отнести к гедонистам, хотя бы по тому, что он насилует жертву перед тем, как ее убить. Кроме того, после убийства он производит с трупом ритуальную манипуляцию – наносит татуировку и оставляет тело там, где его легко найти. Девяносто девять и девять десятых за то, что Татуировщику нравится убивать.

– А одна десятая процента за то, что убивает один человек, а татуирует и подкладывает другой, – проворчал Ханевольд.

Такой версии Рикке еще не слышала, но всем остальным она явно была известна, потому что никто не оживился и не стал задавать вопросов. Убивает один, а татуирует и подкладывает другой? Братья? Один – убийца и насильник, а другой – эстет и шутник? Или, скажем, отец и сын? Папаша убивает девушек, а сын «украшает» их и выставляет на всеобщее обозрение? Навряд ли, хотя чего только не бывает...

– Скажите, госпожа Хаардер, а какие сувениры мог бы оставлять себе на память Татуировщик?

Рикке не имела ничего против обращения по имени, но Мортенсен неизменно называл ее госпожа Хаардер. Скорее всего, в его представлении, обращение по имени было знаком расположения. Так, например, Эккерсберга Ханевольда и Франнсена он называл по именам, а всех остальных своих сотрудников по должности и фамилиям – инспектор Йоргенсен, инспектор Рийс, инспектор Беринг. Криминалист Юхан Нансен стоял особняком, его Мортенсен называл «господином криминалистом». Явно не от большой любви, а, скорее, даже с оттенком иронического превосходства, но Нансена это нисколько не задевало. В управлении полиции Копенгагена пятидесятилетний Юхан Нансен считался образцом невозмутимости, воплощением спокойствия и эталоном флегматизма. «Мне б такие нервы, как у Нансена!» в сердцах восклицали сотрудники управления. Или: «Это только Нансен может вынести!». Остряки называли Нансена Бамсеном,¹⁷ получалось не обидно, а как-то по-домашнему, тем более, что грузный и вечно лохматый Нансен чем-то напоминал медведя. Весельчак Аре Беринг частенько сетовал на то, что у Нансена добавок к двум сыновьям, нет дочери – ведь можно было только мечтать о такой спокойной жене. Нансен улыбался и советовал Аре жениться на надувной секс-кукле, уж спокойнее ее точно не найти.

– Трудно сказать... – призадумалась Рикке.

Жертвы Татуировщика были «одеты» только в упаковочную пленку. Их вещи бесследно исчезали. При таком раскладе убийца мог оставлять себе все, что угодно, но...

– ...Я могу предположить, что он оставляет на память фотографии татуировок или тел перед упаковкой.

– А почему не украшения? – поинтересовался Ханевольд. – Он же снимает серьги и кольца с тел жертв.

Странно, удивительно, но до сих пор никто не интересовался сувенирами, то есть трофеями Татуировщика. Во всяком случае, Рикке подобных вопросов не задавали. Что произошло? Обнаружили у Едина Балича какую-то «коллекцию»? Или поиск пошел в новом направлении?

– Возможно, что он оставляет и украшения, – согласилась Рикке потому что, соглашаясь с оппонентом, ты получаешь возможность спокойно изложить свою точку зрения. – Но я склонна думать, что полное отсутствие одежды и украшений на телах жертв преследует другую цель. Таким образом, Татуировщик привлекает внимание к своим рисункам, подчеркивает их исключительную важность...

– А зачем связывать? – спросил Беринг. – И почему он связывает не всех, а только некоторых?

– Не знаю, – пожалала плечами Рикке. – Но смысл в этом есть.

– Нет, не понимаю я этого! – воскликнул Йоргенсен. – Ну оставь ты записку, вырежи из газеты слова и наклей, если не хочешь, чтобы тебя опознали по почерку...

– И положи рядом визитную карточку, чтобы инспектор Йоргенсен смог тебя найти, – добавил Оле.

¹⁷ Игра слов от «bamsе» – «медвежонок» датск.

Все, кроме Мортенсена, Нансена и самого Йоргенсена отреагировали на шутку смешком или улыбкой. Йоргенсен так и пылал недовольством (кому приятно получить подряд два щелчка по самолюбию?), но в перепалку с Оле не полез, зная по горькому опыту, что на одно его слово у Оле найдется три, если не пять.

– Татуировки – неотъемлемая часть его ритуала, – продолжила Рикке, стараясь не смотреть на багровую физиономию Йоргенсена. – Они присутствуют на телах всех жертв, следовательно, имеют очень важное значение для Татуировщика, поэтому я и думаю, что в первую очередь он должен коллекционировать татуировки. То есть – их фотографии.

– Спасибо, госпожа Хаардер, – Мортенсен перевел взгляд на ерзающего на стуле Беринга. – У вас есть вопрос, инспектор Беринг?

Вот кому, скажите пожалуйста, нужны эти церемонии. Совещание – это обмен мнениями, зачем ждать разрешения начальника для того, чтобы задать вопрос? Затем, чтобы все лишний раз вспомнили, кто тут главный! Да разве ж это можно забыть! Рикке снова вспомнила свою мать и подумала, что Мортенсен вполне может оказаться ее родственником (святая Бригитта, храни от такой родни!) ибо уж больно его характер похож на матушкин. И взгляд тоже похож – колючий, холодный. Никогда не пошутит, а ведь шутки так помогают в работе, сразу какой-то другой настрой появляется.

– А как он может хранить фотографии? – спросил Беринг, глядя на Рикке. – Что предпочитает такая публика? Альбом или шкатулку с отпечатанными фотографиями или же папку с файлами на флешке?

– К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос, – кто ж его знает, этого Татуировщика? – Но осмелюсь предположить, что такой осторожный субъект не станет связываться с флешкой и, тем более, с альбомом. Скорее всего, он хранит фотографии где-то в интернете, под десятью паролями и добирается до них окольными путями, искусно замечая следы.

– Информацию в Сети нетрудно обнаружить, – подал голос Нансен.

– Совсем не так! – возразил Оле. – Смотря где спрятать. Флешку или конверт с фотографиями можно найти, если представляешь, где искать, но зашифрованную и запароленную информацию в интернете найти невозможно!

– Я не специалист, – спорить было не в обычае Нансена. – Но можно спросить у наших специалистов по информационным технологиям.

– Я спрошу, – пообещал Оле.

Рикке, вдохновленная тем, что сегодня с ее мнением, кажется, считаются, умильно посмотрела на начальника отдела убийств и спросила: – Господин Мортенсен, могу я высказать еще одно предположение?

– Да, конечно, – разрешил тот.

– Мне кажется, что Татуировщик имеет отношение к изобразительному искусству, – Рикке заговорила торопливо, потому что много надо было успеть сказать до тех пор, пока Мортенсен не кивнет головой, прося ее замолчать. – Характер его рисунков не лишен своеобразной эстетики, в них видна красота, виден стиль. Я провела небольшой анализ, опираясь на свои соображения...

– Благодарю вас, госпожа Хаардер, – перебил Мортенсен. – Вы уже высказывали это предположение.

– Но я бы хотела объяснить все подробно! – умоляющим тоном сказала Рикке. – Всего пять минут...

– Лучше изложите ваши соображения в письме и пришлите мне, – ответил Мортенсен. – Я непременно с ними ознакомлюсь.

«Как бы не так! – с досадой подумала Рикке. – Отправишь в корзину, не читая! Знаю я тебя!»

Что говорилось дальше, она не слушала. Зачем слушать тех, кто не хочет тебя слушать? Пусть доблестные сотрудники отдела убийств разрабатывают те версии, которые им больше нравятся. Ей никто не мешает посвятить свободное от работы время проверке своей собственной версии. Зато как вытянется физиономия Мортенсена, если вдруг окажется, что Рикке была права в своих предположениях! Только ради этого можно попытаться!

«А письмо я непременно отправлю, – пообещала себе Рикке. – И сохраню у себя в папке. Чтобы потом Мортенсен не вздумал утверждать, что я ничего такого не говорила и не писала».

Мысли снова вернулись к матери. Рикке предпочла бы не вспоминать о ней вообще, но мать оставила дочери кое-что на память о себе, наследство от которого Рикке никак не могла избавиться.

А может, не хотела избавляться, а просто делала вид?

Когда-то давно Рикке решила заняться психологией, чтобы помочь самой себе. И специализироваться на проблемах межличностного насилия она стала не случайно. Но недаром же говорится, что чем глубже нырнешь, тем темнее вода. Помочь себе пока не очень-то получилось...

Чтобы немного отвлечься, Рикке порылась в памяти в поисках чего-то приятного. Почему-то вдруг, без всякой привязки к реальности, ей вспомнился Морти, будущий финансист и отчаянный выдумщик. Финансисту, впрочем, и положено быть выдумщиком, ведь баснословные состояния делаются на блестящих идеях. Скорее всего, Морти вспомнился к разговору о трофеях. Морти коллекционировал локоны своих возлюбленных – причуда на грани фетишизма – причем локон нельзя было просто срезать, получить в качестве подарка или же стянуть во время стрижки. Для того чтобы обрести коллекционную ценность локон должен был стать добычей, то есть Морти нужно было срезать его после длительной, упорной и в какой-то мере беспощадной борьбы. Секс с Морти вообще был беспощадным по сути, но, в то же время, очень красивым, вдохновенным и всегда разным. Они встречались по три-четыре раза в неделю в течение десяти месяцев, до тех пор, пока Морти не увлекся какой-то китайкой с кукольным личиком и аристократическими манерами (убийственное, надо признать, сочетание), так вот за все это время Морти ни разу не повторился в своих постановках. А каждый прыжок в постель был именно постановкой, продуманной до мелочей и отлично срежиссерованной. Рикке была прямой, суперзвездой, которой разрешалось импровизировать сколько угодно, но строжайше запрещалось выходить за рамки образа. Монахиня, которую насиловал грубиян-полицейский, могла кричать, стонать, царапаться, но про молитвы забывать не могла. Развратная медсестра не могла пренебречь медосмотром своего партнера, а доверчивой школьнице полагалось развлекать электрика-эротомана, чинившего проводку в школьном подвале, рассказами про учителей.

Локон полагалось срезать у прекрасной дикарки, которая бежит по джунглям от любвеобильного охотника. Охотник был одет в пробковый шлем и шорты, а дикарке полагалась набедренная повязка из свежесорванных листьев фикуса и гирлянда из бумажных цветов на шее. Джунглями стала квартирка-студия Морти, плотно заставленная всяким хламом. Сначала Морти бегал за уворачивающейся Рикке по джунглям, потом поймал, связал ей руки спереди, притянул их к крюку, на котором обычно висел боксерский мешок, так, что Рикке пришлось стоять на цыпочках и от души отхлестал обрывком веревки (хлыст, по мнению Морти, пешему охотнику не полагался, а вот без мотка доброй пеньковой веревки в джунгли и соваться нечего). Хлестал Морти умело, удары его были резки и отрывисты, но не настолько сильны, чтобы лишить боль сладости. Рикке стонала от наслаждения, время от времени перемежая стоны пронзительными призывами на помощь. Долго стоять на цыпочках это уже приятная мука, а если к одной приятности добавить другую, то получается совсем замечательно, особенно если охотник, не удовлетворившись поркой, еще и грубо овладеет своей добычей. Морти умел правильно кусаться, так, чтобы пробирало, не оставляя следов. Любимыми его местами

для укусов были соски и мочки ушей. Готовясь укусить, он хищно клацал зубами – «бильд-блэд», «бильд-блэд»¹⁸...

Только после второго оргазма (первый пришел еще во время порки), Рикке согласилась отдать «своему господину» локон в знак вечной верности. Морти изобразил великую радость, а, получив вожделенный дар, смягчился и поблагодарил вздрагивающую от притворных рыданий Рикке чудным куннилингусом.

Три восхитительных по яркости и мощности оргазма – неплохая плата за клочок волосков. Рикке с удовольствием сбывла бы все остальные волосы по такому прайсу, все равно ведь новые отрастут.

– Госпожа Хаардер, вы не научите нас сохранять прекрасное расположение духа в трудных ситуациях?

Голос Мортенсена вывел Рикке из задумчивости.

– Вы так улыбались, что я вам позавидовал, – продолжил начальник отдела убийств. – Я давно уже разучился улыбаться на этой проклятой работе...

– Научиться очень просто, – Рикке притворилась, что не уловила сарказма. – Подумайте о чем-то хорошем, и ваше настроение улучшится, каким бы плохим оно не было. Попутно позволю себе заметить, что если работа воспринимается как «проклятая», то ее лучше сменить. Это не мое частное мнение, а научное утверждение, одна из аксиом психологии.

Оле выразил свое восхищение взглядом. Его тусклые, вечно усталые глаза, обладали способностью мгновенно оживать, становясь весьма выразительными, и столь же быстро гаснуть.

– Благодарю вас, госпожа Хаардер, – проскрипел Мортенсен. – Я непременно подумаю о хорошем, когда мы поймем Татуировщика.

¹⁸ Игра слов, «blid» в переводе с датского означает «нежный, нежное», а blød «мягкий, мягкое», т. е. Рикке предвкушает, как ее сейчас укусят за нежное и мягкое место.

3

Время близилось к полуночи. По коридору прошелся дежурный охранник. Заглянул к Рикке, напоролся на неприязненный взгляд человека, которого попусту отвлекли от работы и молча ушел, тихо закрыв за собой дверь.

Завтра Рикке начинала свое частное расследование. Начало – завтра, сегодня – подготовка, если можно назвать подготовкой, повторение много раз виденного, досконально изученного и хорошо знакомого. Но, как говорят ютландские рыбаки: «не ленись лишний раз забросить сеть – больше рыбы поймаешь». Иногда во время повторного знакомства с материалами можно обнаружить нечто важное, упущенное, ранее незамеченное. За примером далеко ходить не надо, достаточно вспомнить декабрьское убийство в Кодбиене.¹⁹ Просматривая в третий раз записи видеокамер с ближайших бензоколонок, Оле заинтересовался одной из машин, водитель которой проявлял несвойственную для ночного времени торопливость. Торопятся больше утром, когда спешат на работу. Чутье не подвело – торопыгой оказался убийца, правда то, что первым на него обратил внимание инспектор Оле Рийс впоследствии как-то забылось и все лавры достались старшему инспектору Ханевольду, который всего лишь руководил операцией по задержанию убийцы и пару раз выходил к журналистам. *Antiquo more.*²⁰

Рассматривая бесчисленные фотографии жертв, Рикки пыталась постичь метод Татуировщика, нащупать какие-то закономерности, понять, что происходило до смерти жертвы, и что происходило потом. До того, как совершенно посторонние люди находили труп.

Следы от наручников на запястьях и лодыжках. Обычные наручники, никаких веревок, никакого скотча. Наручники просты и надежны.

Татуировки были у всех тринадцати жертв, а вот связанными оказались всего три жертвы – номер три Моника Блажевич, номер восемь, двадцатидвухлетняя студентка университета Берта Кристенсен, и номер одиннадцать, девятнадцатилетняя танцовщица из ночного клуба Эмма Расмуссен. Остальным веревок не досталось. Почему так? Что означают веревки? Это своеобразная награда «хорошим девочкам» или, напротив, наказание «плохих»? Или, если у Татуировщика времени было в обрез, то он обходился без веревок? Да нет, со временем у него всегда нормально – татуировки он, судя по всему, делает обстоятельно, не торопясь.

Не настолько понравились девушки, чтобы их связать? Связанные, в общем-то, ничем не отличаются от других жертв. Один стандарт, однотипная внешность. Различия, разумеется, есть, но не очень большие.

Все трое связаны в одном стиле. Руки за спиной, локти сведены вплотную, грудь обвязана, ноги не согнуты, все тело оплетено веревками так, что кажется упакованным в крупноячеистую сеть.

Больше всего «повезло» Монике Блажевич. Ей убийца обмотал веревками шею так, что strangulationная борозда была не видна. Моника вела себя так, как надо? Заслужила отличие?

Материалы – фотографии, протоколы, заключения – разложены по папкам с именами жертв. Все эти папки находятся в папке «Nogen Tatovering»²¹ на личной флешке Рикке.

«Сотрудникам категорически запрещается самовольное копирование любой служебной информации...»

Правила пишутся для того, чтобы их нарушали, не так ли? Разве господин Nogen Tatovering не знает, что убивать нехорошо? Знает, но не верит, то есть – уверен в обратном.

¹⁹ Район Копенгагена.

²⁰ По старинному обычаю (лат.)

²¹ Дословный перевод с датского «Некто Татуировщик» – похоже на скандинавские имя и фамилию.

Интересно, когда он переживает свой «катарсис» – при удушении жертвы или во время нанесения татуировки? Скорее всего, в момент убийства. Все татуировки господин Nogen Tatovering делает твердой рукой. И вяжет веревками крепко-накрепко, натягивая веревки и затягивая узлы, что есть силы. «Так вяжут окорока для копчения, – сказал патологоанатом Квортруп. – Сразу видно, что парень никогда не вязал живых людей, только покойников». Квортруп не совсем прав – живых, то есть своих сексуальных партнерш, Татуировщик мог вязать иначе, щадяще. Жертва – это же не просто партнерша, это человек, над которым ты утверждаешь свою абсолютную власть, человек, которого ты лишаешь жизни. Святая Бригитта, как же все это ужасно...

Эксперты определили марку машинки, которой пользуется Татуировщик. С оговоркой «предположительно», но это такая традиционная оговорка экспертов. Предположительно это машинка «Parillon midi YT» китайского производства. Таких повсюду навалом, одна из самых распространенных марок. Недорогая машинка и дорогие, чуть ли не элитные, иглы марки «Odi» сечением 0,35 миллиметра. Иглы напаяны в круг. Контур рисунка Татуировщик наносит теми, что плотно сведены на конце в пучок, а закрашивает теми, что разведены пошире. Иглы «Odi» то ли покрыты слоем серебра, то ли содержат серебро, служащее якобы дополнительным дезинфицирующим фактором, и вдобавок они заточены каким-то невероятным образом. «Иглы «Odi» – боль уходи», как-то так звучит их рекламный слоган. В выборе крутых игл для посмертных татуировок, когда жертве уже глубоко безразличны болевые ощущения и возможность инфицирования, Рикке виделось изощренное глумление.

Татуировщик глумлив, что да, то – да. Но самому себе он должен казаться остроумным. Социопаты почти всегда в той или иной мере гордятся своим остроумием.

Фотографии фрагментов тел выглядели не очень впечатляюще, но вот тела, лежащие на металлическом столе патологоанатома, всякий раз заставляли Рикке содрогаться. Фрагменты – это не по-настоящему, это как кусочек пазла, а тело, вытянувшееся на столе – настоящее.

Смотри Рикке, белокурая куколка, это может случиться и с тобой!

Эй, Рикке! Посмотри на меня!

Рикке, я тоже когда-то верила, что ничего хуже незапланированной беременности со мной случиться не может!

Ни одна из жертв не успела испытать радости (или тягот) материнства. Жертва номер четыре Бертина Педерсен носила в матке четырехнедельный эмбрион. Рикке хотелось верить, что зародыш, находившийся в утробе матери, не почувствовал ничего ужасного.

Сломанный ноготь на торчащем кверху указательном пальце жертвы номер семь Катрин Зельден, казалось предостерегал Рикке, советуя ей держаться подальше от Татуировщика.

Мать тоже учила держаться подальше от дурных людей, сопровождая каждое слово оплеухой. «Сколько – шлеп! – раз – шлеп! – говорить – шлеп! – тебе – шлеп! – что – шлеп! – нельзя – шлеп! – водить – шлеп! – компанию – шлеп! – с кем попало – шлеп-шлеп!». Слова намертво вбивались в память, но «помнить» не означает «выполнять». В сомнительные компании Рикке тянуло магнитом.

Круги, сделанные маркерами разных цветов, выделяли на фотографиях то, к чему стоило присмотреться. Тело жертвы номер два двадцатитрехлетней Агнес Нильсен ивент-менеджера агентства «Добле-ОК» повернуто на бок, чтобы можно было рассмотреть родинку в области поясницы. Агнес – имя греческого происхождения, означающее Целомудренная. Ни хрена себе целомудрие...

Все жертвы похожи внешне друг на друга, но, в то же время, они такие разные... Но досталось им одинаково? Или нет? И рисунки на каждом теле разные.

Разные, и в то же время похожие друг на друга. Единый стиль...

Аре Беринг (никогда не поймешь, шутит ли он или говорит серьезно) утверждал, что рисунки Татуировщика есть ни что иное, как три башни²², перечеркнутые несколько раз. Стилизованные, шаржированные, но – три башни.

– Татуировщик ненавидит Копенгаген! Ему доставляет удовольствие глумиться над нашими святынями! Я не удивлюсь, если в один прекрасный день он нарисует свой «иероглиф» на животе у Русалочки!

– Дай-то бог! – вздыхал Ханевольд. – Этот день станет последним, который он проведет на свободе.

Статуя Русалочки, известная едва ли не во всем мире, часто страдала от вандалов и поэтому с не очень давних пор ее взяли под усиленное наблюдение. Две камеры слежения круглые сутки следили за самой статуей и еще несколько за подходами и подъездами к ней. Вдобавок, проезжавшим мимо полицейским патрулям вменили в обязанность «обращать особое внимание» на Русалочку. Что такое «обращать особое внимание» Рикке разъяснил все тот же Оле.

– Если что случится там, где от тебя потребовали особого внимания, на дальнейшей карьере можно ставить крест и впредь считать себя кавалером Большого Черного креста.²³

Начало нового дня Рикке встретила на рабочем месте. Такое случилось с нею впервые за все время работы в полицейском управлении Копенгагена. Обычно она, если и засиживалась по окончании рабочего дня, то не очень долго – максимум часов до восьми вечера.²⁴ Подавив очередной зевок, Рикке подумала, что пора бы уже оторвать свою задницу от стула и унести ее домой, но уходить, не закончив, было не в ее правилах. Осталось немного – пробежаться глазами по списку жертв и в сотый уже, наверное, раз попытаться вывести какую-то закономерность.

Анне Йохансен, двадцать два года. Первая жертва Татуировщика. Нигде не работала и не училась. Снимала вместе с такой же неработающей подружкой крошечную квартирку в Вестербро²⁵ на Буструпгэд. По свидетельствам соседей, мужчины в эту самую квартирку шли косяком. Подруга Анне занятие проституцией отрицала.

Вторая жертва Татуировщика – Агнес Нильсен двадцать три года, ивент-менеджер агентства «Добле-ОК». Жила в чистеньком буржуазном Фредериксборге на съемной квартире, отдельно от родителей. Имела бойфренда, с которым вроде как собиралась вступить в брак. Бойфренд, адвокат по профессии, был на пять лет старше Агнес. После ее смерти он впал в глубокую депрессию, что на время сделало его главным подозреваемым. Депрессия – штука сложная, она может быть вызвана как горем, так и раскаянием. С Анне Йохансен ни Агнес, ни ее бойфренд никак связаны не были, но сотрудники полиции считали, что бойфренд мог намеренно «подделать почерк» убийцы Анне, чтобы отвести подозрения от себя. Убийство Анне Йохансен, благодаря своей необычности, наделало много шума в прессе и на телевидении. Удобное прикрытие.

Третья жертва Татуировщика, Моника Блажевич, уборщица из «Иллума», двадцатишестилетняя иммигрантка из Польши жила в Рингстеде²⁶, где жилье стоило гораздо дешевле, чем в Копенгагене. Ездить, правда, далековато – шестьдесят-семьдесят километров в один конец, но, видимо, Моника это устраивало, тем более, что у нее и автомобиль имелся – Фольксваген

²² Три башни изображены на гербе Копенгагена.

²³ Намек на шведский Орден Полярной звезды, которым награждаются иностранные граждане за важный вклад в развитие связей со Швецией. Среди награжденных этим орденом много датчан. Орденский знак представляет собой мальтийский крест белой эмали.

²⁴ Рабочий день в Дании начинается в 7 – 8 часов утра.

²⁵ Район на западе Копенгагена (название переводится как «западный мост»), считающийся одним из самых криминогенных.

²⁶ Рингстед – город, расположенный неподалеку от Копенгагена.

Поло 1997-го года выпуска. Машину Моники нашли на уличной парковке недалеко от ее места работы. Получается, что она отработала смену, переставила машину со служебной парковки торгового центра в другое место и ушла (или уехала) с Татуировщиком? А может, отправилась к нему пешком или на транспорте? Зачем? С какой целью? Правда, непосредственная начальница убитой и трое из ее сослуживиц, подчеркнули нехарактерное для возраста простодушие Моники. Простодушие – это потенциально опасная черта характера.

Но вот четвертая жертва Татуировщика, двадцатипятилетняя банковская служащая Ингер Хансен была деловой и весьма хваткой женщиной. Ингер работала в кредитном отделе, делала стремительную карьеру, находилась в тщательно скрываемых (но, тем не менее, известных всем сотрудникам) отношениях с пятидесятидвухлетним вице-президентом банка... Таковую особу вряд ли удастся обвести вокруг пальца, но... Но вот фотографии мертвой Ингер на металлическом столе. Черты красивого некогда лица заострились, на впалом животе рисунок... Кредитными досье ведает другая сотрудница, с вице-президентом спит другая женщина, в квартире на Ранцаусгэд живут другие люди... Ладно, отбросим эмоции, эмоции здесь не помогут.

Трудно найти какую-то связь между проституткой, менеджером, уборщицей и банковской служащей? Ничего общего? А если добавить к этому перечню горничную из отеля, номера в котором сдаются как на сутки, так и на час и практикантку-педагога? Так лучше? Так понятней?

Пятая жертва Татуировщика, двадцатичетырехлетняя Бертина Педерсен работала горничной и мечтала выиграть в «Лотто»²⁷. Мужчины в ее жизни надолго не задерживались, потому что у Бертины был тяжелый характер. Нагрубить постояльцам было для нее нормой. От увольнения Бертину спасали два качества – она была работящей, сноровистой и довольствовалась скромной зарплатой в четырнадцать тысяч.²⁸

Шестая жертва Татуировщика двадцатитрехлетняя Метте Андерсен проходила практику в муниципальной средней школе в качестве преподавательницы датского языка. Страдала сахарным диабетом, колола себе инсулин. Пела в хоре церкви Девы Марии.²⁹ Единственная дочь у родителей и единственная девственница, попавшая в руки Татуировщика. В воскресенье спела в церкви и ушла домой, но до дома не дошла...

Седьмая жертва Татуировщика – двадцатипятилетняя Катрин Зельден менеджер строительной компании «М+М» за два месяца до своей смерти приехала в Данию из немецкого городка Целле. Еще и освоиться толком-то не успела, наверное, и знакомствами обзавестись... А вот с Татуировщиком познакомилась. На свою беду. Обычно датчане уезжают работать в Германию, а Катрин – наоборот. Сидела бы лучше дома...

Восьмая жертва Татуировщика – Берта Кристенсен двадцать два года студентка университета. Изучала биологию. Любила веселиться, любила большие шумные компании, с легкостью заводила знакомства. Конфликтовала с отцом, которому не нравился образ жизни дочери. Обычная девушка, обычная жизнь, только вот смерть необычная. Со знакомыми Берты возились дольше, чем со знакомыми других жертв Татуировщика – так много их было. «Мне три раза казалось, что я схватил удачу за хвост, – признавался Оле, вспоминая отработку Бертиных контактов, – но она ускользала...»

Изучение контактов жертв вообще не давало ничего полезного – ни звонков неизвестному абоненту или от него, ни писем, ни какого-то общения в сети. Поначалу некоторые контакты казались подозрительными, но по мере их отработки становилось ясно – очередной

²⁷ Lotto – датская лотерея.

²⁸ Курс датской кроны к рублю примерно 1 к 5,8.

²⁹ Одна из крупнейших церквей Копенгагена.

пшик. И что самое главное – ни одного общего контакта у всех тринадцати! Тут уж действительно кроме как на таксистов не подумать...

Девятая жертва Татуировщика, двадцатидвухлетняя Пернилла Ларсен оказалась самой «резонансной». Журналисты, и без того пинавшие полицию за бездействие после каждого убийства, словно с цепи сорвались. Мортенсен, после особо резкого разговора с комиссаром Йенсенем, даже в больницу угодил ненадолго – подозревали инфаркт, но обошлось. Пернилла была очень заметной личностью, нацеленной на большую политическую карьеру. Активистка социал-демократического союза молодежи, борец за права сексуальных меньшинств, волонтер благотворительной организации «Фолькекиркенс Нодхяелп»... Раз в неделю Пернилла организовывала какую-нибудь акцию, раз в две недели ее показывали на DKNET TV, DR 1 или TV 2,³⁰ раз в месяц одна из ведущих газет публиковала интервью с ней. Будучи лесбиянкой, мужчинами Пернилла не интересовалась совершенно. Вот чем мог прельстить ее Татуировщик? Или же он все-таки не заманивает свои жертвы в ловушку, а похищает их? Какой же он, однако, удачливый похититель...

Удачливый, да. И, вдобавок, умный и осторожный. Зверь. Выждет, пока уляжется шум, вызванный предыдущим убийством, и подкидывает на улицы новый труп.

В последнее время шум и не «улегался». Полиция, хоть и вслепую, но искала серийного убийцу. Ей активно помогали граждане, особенно – пенсионеры. Пенсионеры любят наблюдать жизнь, в том числе наблюдают и за соседями. Ежедневно поступало не меньше двух-трех десятков тревожных звонков. «Наш сосед только что вошел в свой дом с худенькой блондинкой. Она совсем ну как те девушки...» «Из квартиры сверху доносятся женские крики...» «Сосед куда-то уезжал в половине четвертого утра, я ясно слышала шум его машины. Утром она стояла у дома, а на мой вопрос он ответил, что мне это приснилось. Но дело в том, что я не могла заснуть всю ночь, потому что думала о тех несчастных девушках...» «В час ночи мой сосед запихивал в багажник что-то тяжелое. Он бывший военный, служил в Сёварнет,³¹ и вообще большой грубиян...»

Девушек, похожих на жертв Татуировщика призывали быть бдительными и избегать контактов с незнакомцами. Да и к знакомым призывали относиться настороженно. Полицейские патрули периодически задерживали мужчин, имевших неосторожность посадить в свой автомобиль молодую блондинку. Мэрия отпечатала плакаты, призывающие жителей Копенгагена активно включаться в работу системы коллективной безопасности... «Не хватает только оцепить Копенгаген войсками и ввести комендантский час», невесело шутил Оле. Уличные проститутки, быстро просекли новые тенденции и чуть ли не поголовно перекрасились в брюнеток – так и безопасней и работать проще, полиция меньше внимания обращает.

Но, несмотря на все принятые меры убийства продолжались. Десятой жертвой Татуировщика стала двадцатилетняя анархистка Ига Сёренсен, родом из Кертеминне³², обитавшая в Христиании.³³ Одиннадцатая жертва Татуировщика, девятнадцатилетняя Эмма Расмуссен, студентка бизнес-колледжа, была объявлена в розыск еще до того, как ее нашли на мосту через железнодорожные пути в Вестербро. Обычно Татуировщик держал у себя жертвы около суток, но Эмма оставалась у него целых пять дней (во всяком случае именно столько прошло от момента ее исчезновения до обнаружения). В теле Эммы патологоанатомы нашли следы снотворных препаратов. По каким-то неведомым причинам Татуировщик пошел на риск – пять суток «общения» с жертвой увеличивают шансы попасться.

³⁰ Датские телеканалы.

³¹ Søvænet – военно-морской флот Дании.

³² Кертеминне – датская коммуна в составе области Южная Дания.

³³ Христиания (она же Свободный город Христиания или Вольный город Христиания) – частично самоуправляемое, неофициальное «государство в государстве», расположенное в районе Копенгагена Кристиансхавн.

На шестидесятый день после обнаружения тела Эммы Расмуссен не где-нибудь, а на самой Фредериксгэд,³⁴ но в «слепом», не просматриваемом камерами участке, была найдена двенадцатая жертва Татуировщика Инга Йоргенсен, двадцатилетняя помощница режиссера из компании, снимавшей научно-популярные фильмы для телевидения. В отделе убийств воспрянули духом, посчитав, что Татуировщик наглеет (он бы еще к ратуше труп подложил) и теперь начнет допускать ошибки. Увы, тело тринадцатой жертвы двадцатилетней Камиллы Миккельсен Татуировщик оставил не возле ратуши, а на малолюдной даже днем улице в Херсхольме. Один труп в самом центре Копенгагена, другой – на окраине, по сути – в соседнем городе. В этом Рикке, да и не только она, видели своеобразную издевку, намек на неуязвимую вездесущность Татуировщика.

«Чувствую, что следующий труп Татуировщик подбросит в Лангелиние»,³⁵ – сказал Оле, вернувшись из Херсхольма. «А почему не к входу в парк Тиволи?»³⁶ – поинтересовалась Рикке.

Аре Беринг имел неосторожность предложить коллегам устроить нечто вроде подпольного тотализатора и делать ставки на место обнаружения следующей жертвы Татуировщика. Мортенсен, в ответ на это, пообещал вышвырнуть Аре из полиции и вдобавок пригрозил устроить так, что Аре даже в охранники никуда не возьмут. Не только в Копенгагене, но и в Эммерсбеке. Ютландский Эммерсбек был у Мортенсена синонимом края света, грандиозной задницы из которой никогда не выбраться. Неизвестно, как обстоят дела в Эммерсбеке, и есть ли там вообще что охранять, а вот осложнить уволенному сотруднику поиски новой работы в Копенгагене Мортенсен мог вполне. Аре прикусил свой длинный язык и попросил прощения за допущенную бестактность. Аре не глуп и не подл, у него просто язык очень часто срабатывает быстрее, чем мозг. Зато с ним весело.

Осознав, что вся она состоит из одного лишь желания спать, Рикке выключила компьютер и отправилась в туалет, чтобы умыться холодной водой. Эта процедура должна была прогнать сон настолько, чтобы Рикке успела доехать до дома. От управления полиции до Остербро³⁷ ехать недолго – меньше четверти часа. За это время отогнанный сон не успеет заново овладеть Рикки.

Рикке умывалась долго. Щедро брызгала в лицо водой и шумно отфыркивалась. По правилам «hygge»³⁸ все надо стараться делать с удовольствием. Затем посмотрела на себя в зеркало, ужаснулась немного, потому что выглядела на все тридцать пять, если не на сорок. Закономерно – ночные бдения не красят. Следует больше спать. Это красавицы могут позволить себе ночные бдения. Скарлетт Йоханссон даже с мешками под глазами будет выглядеть соблазнительно и стильно, а вот таким дурнушкам, как Рикке надо повнимательнее относиться к себе.

В минуты недовольства собой или окружающим миром Рикке называла себя дурнушкой, в минуты радости могла назвать красавицей, но на самом деле считала, что ее место где-то посередине. Датский стандарт – ничего выдающегося, но в целом хорошо.

Ощущения напрасно потраченного времени не было, только усталость. Пусть сегодня не новые идеи не спешили приходить в голову Рикке – ничего страшного, в скором будущем они непременно появятся. А пока что она освежила в памяти всю информацию по Татуировщику, «встряхнула» мозги и завтра начнет действовать.

Одну закономерность Рикке все же углядела – своеобразный стиль написания таинственных иероглифов-рисунков. Очень характерный стиль. Рикке не хватало профессиональных знаний, чтобы описать или как-то классифицировать его, потому что художницей она нико-

³⁴ Улица в центре Копенгагена, соединяющая действующую резиденцию датской королевской семьи дворец Амалиенборг с церковью св. Фредерика, более известной как Мраморная церковь.

³⁵ Лангелиние – пристань и парк в центре Копенгагена. В нем расположена знаменитая Русалочка.

³⁶ Тиволи – знаменитый парк развлечений в центре Копенгагена.

³⁷ Район Копенгагена.

³⁸ Название концепции (образа жизни), в основу которой положено наслаждение бытием. Дословно переводится как «уют».

гда не была. Но вот Татуировщик, как казалось Рикке, был художником – любителем или профессионалом. Уж очень искусными были его рисунки, сразу чувствовалась рука, привыкшая держать кисть или карандаш. Такое, во всяком случае, сложилось впечатление. Сложилось и быстро оформилось в версию, от которой в управлении полиции дружно отмахивались, как от надуманно-безосновательной.

Тонкое чутье Рикке видело в рисунках Татуировщика произведение искусства. Они выглядели не знаком, не иероглифом, не пиктограммой, а именно рисунком, творением. Разница бросалась в глаза, по мнению Рикке она была столь же заметной, как разница между логотипом «мерседеса» и Витрувианским человеком да Винчи³⁹. Но тонкое чутье, острый глаз и умение понимать красоту даны далеко не всем. В управлении полиции только Оле понимал Рикке, причем сам он ничего высокохудожественного в татуировках серийного убийцы не замечал, но верил, что Рикке все это не выдумала.

Раз за разом прочесывать тату-салоны и трясти таксистов – это, почему-то, считается перспективным делом. А вот художниками никто не хочет заняться. Стереотипы. Непокоримые стереотипы. Тяга к стереотипному мышлению – один из симптомов профессионального выгорания. Вот если бы убийца рисовал на животе жертв кистью, тогда кто-то бы мог подумать и о художниках. Лошадь – не корова, следовательно она не может давать молоко? Фу-у-у!

Рикке «вгляделась» в рисунки Татуировщика настолько, что надеялась узнать руку, рисовавшую их, по отдельным деталям картины или по подписи на ней.

Рука Татуировщика явно была опытной, стало быть, где-то уже успела «наследить», пока этого самого опыта набиралась.

Первым местом, которое собиралась посетить Рикке, была картинная галерея «Кнудсен галлери ХХII». Галерея славилась своим демократизмом, что весьма импонировало Рикке, и обилием часто сменяющих друг друга выставок, что казалось перспективным с точки зрения Поиска. Вдобавок, о владельце галереи Хенрике Кнудсене отзывались, как о знатоке искусства и тонком его ценителе. Знаток и ценитель гораздо предпочтительнее денежного мешка, тещащего при помощи искусства свое гипертрофированное эго. Рикке предпочитала иметь дело с профессионалами. Для успеха ее миссии знатоки и ценители искусства были очень нужны, но естественность прежде всего. Все должно быть естественно и (храни святая Бригитта!) ни у кого не должно сложиться впечатление, что Рикке интересуется не картинами, а информацией. Стоит только людям понять, что ты хочешь у них что-нибудь выведать, как они сразу же закроют рот на замок. Но в дружеской, ни к чему не обязывающей, беседе выболтают все, что угодно, только запоминать успевай. Не факт еще, что удастся свести знакомство с Кнудсеном, но начать захотелось именно с его галереи.

А там, постепенно, можно и до национальной галереи дойти. Нет, к черту национальную галерею, ведь все, кто там выставляется, давно уже умерли. И в Ордрупгаарде⁴⁰ тоже делать нечего, начинающую коллекционерку Рикке Хаардер (такую «легенду» придумала себе Рикке – все объясняющую и ни к чему не обязывающую) интересует только современное искусство. Старина госпоже Хаардер не по карману, да и интереса к ней она не испытывает.

³⁹ Витрувианский человек – рисунок, нарисованный Леонардо да Винчи примерно в 1490-92 годах в качестве иллюстрации для книги, посвященной трудам римского архитектора и механика Витрувия. На нём изображена фигура обнаженного мужчины в двух наложенных одна на другую позициях: вписанная в окружность с разведёнными в стороны руками и ногами и вписанная в квадрат с разведёнными руками и сведёнными вместе ногами.

⁴⁰ Ордрупгаард – музей искусств, где хранится обширное собрание французской и датской живописи рубежа 19 – 20 веков. Расположен в пригороде Копенгагена Шарлоттенлунде.

4

Идея отправиться в галерею на машине отпала сразу – чересчур рискованно. Рикке работала в полиции не очень давно, но уже прекрасно представляла, сколько всего интересного можно узнать о человеке, оттолкнувшись от номера его автомобиля. Разжиться всевозможными базами данных несложно, Интернет пестрит объявлениями, предлагающими конфиденциальную информацию подобного рода за относительно небольшую сумму (не больше трехсот-четырехсот крон). Кроме того, любой сайт можно взломать, получив доступ к его содержимому. Несмотря на то, что в полиции есть куча специальных сотрудников, в чьи обязанности входит борьба с хакерами и распространителями нелегальной информации, чувствовать себя информационно защищенной нельзя. С распространителями наркотиков борется куда больше народу, и, в то же время, разжиться наркотиками в Копенгагене не проблема. Для этого совсем не надо переться в Христианию или в Нёрребро. Можно купить любую отраву в двух шагах от управления полиции, на пересечении Амбросгэд с Пуггосгэд, возле угловатые стеклянных громад банка Никредит. Надо только зайти в нужную дверь и сказать, что тебе надо.

Открытость не входила в планы Рикке, поэтому в галерею она отправилась на транспорте. Велосипед совершенно не вязался с обликом скучающей любительницы изобразительного искусства, созданном воображении Рикке, да и вообще, велосипед – это дневной вид транспорта. К тому же, во время последней велопрогулки по городу Рикке засмотрелась на одного чересчур величественного кота и въехала передним колесом в дерево. Обошлось без травм, поскольку скорость была низкой, но колесо слегка деформировалось, настолько, что получилось доехать до дома, но без особого удовольствия. Рикке все собиралась дойти до ближайшей веломастерской, но как-то не получалось.

Лучше поехать на автобусе, тем более что возможно придется пить спиртное в каком-нибудь баре с компанией новых друзей или взять такси.

В том, что друзья не замедлят появиться, Рикке не сомневалась. Не очень-то общительная от природы, при желании она легко становилась не только приятной собеседницей, но и душой компании. Азы психологии – чтобы понравиться людям, внимательно их слушай и побольше ими восхищайся. Быть узанной кем-то (миллионная «гавань торговцев»⁴¹ весьма тесна и знакомых можно встретить где угодно) Рикке не опасалась. Она никогда не распространялась о месте своей нынешней работы, предпочитая конкретике уклончивое «консультирую в одной компании». Разве столичное управление полиции не компания? Копенгагенский филиал Dansk Rigspolitiet ApS.⁴² Поэтому можно было не опасаться восклицаний вроде: «О, Рикке! Когда вы там, наконец, поймаете этого придурка, который душит девчонок и делает им уродские тату?» На кого-то из управления наткнуться не страшно, согласно корпоративной этике о чьей-то службе в полиции на людях распространяться не принято. Так что «Рикке, просто Рикке. Я – психолог, консультирую в одной компании. Люблю рассматривать картины». Ну, совсем как «My name is Bond, James Bond»⁴³ И «люблю рассматривать картины» – очень верно подобранная фраза. Декларирует интерес к искусству, создает некий ореол легкомысленности и вообще хорошо звучит.

Рикке немного подготовилась к своей новой роли. Узнала, что Блоха⁴⁴ современные живописцы считают чересчур скучным, а Менстеда⁴⁵ чересчур «аляповатым», и что людям

⁴¹ «Køpmannæhafn» – «гавань торговцев» старинное название Копенгагена.

⁴² «Dansk Rigspolitiet ApS» переводится как «ЗАО Датская полиция»

⁴³ «Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд»

⁴⁴ Карл Генрих Блох (Carl Heinrich Bloch, 23.05.1834-22.02.1890) – великий датский художник.

с развитым вкусом полагается восхищаться (довольно сдержанно) фигуративистами⁴⁶. Среди фигуративистов Рикке скоро обнаружила внук Зигмунда Фрейда по имени Люсьен⁴⁷ и решила, что станет восхищаться им. В крайнем случае, хоть фамилию не переверет и не забудет. «О, Фрейд, он замечательный! Я в восторге от его картин!». Достаточно для того, чтобы не просто поддержать разговор, но и прослыть знатоком. В случае чего можно будет перевести разговор с внука на дедушку, с творчеством которого Рикке как в силу своей профессии, так и благодаря своим БДСМ-предпочтениям, была знакома очень хорошо.

Зайдя на сайт «Кнудсен галлери ХХII», Рикке узнала, что в первую половину июня в галерее проходят сразу две выставки – китайского абстракциониста Сюй Вэймина и норвежской пейзажистки Катрин Эстбю. Оба художника преподносились как «яркие и талантливые мастера современности, чья известность пока еще не доросла до уровня их мастерства». Любопытно, к тому же и интерес оправдывается – никому не известные начинающие коллекционеры должны интересоваться никому не известными художниками. Тоже ведь, наверное, увлекательное и азартное занятие это коллекционирование картин. Купишь за пятьсот крон чью-нибудь работу, а через двадцать лет, если художник прославится, продашь за пятьдесят миллионов. А если не прославится, можно подарить картину приюту при церкви святого Петра, там любят все, что хоть как-то оживляет казенную обстановку.

Цена билета на обе выставки оказалась удивительно высокой – целых триста пятьдесят крон! И это в то время, когда национальную галерею можно посетить за сумму, не дотягивающую до сотни, а билет в Николай-кунстхал⁴⁸ стоит двадцать крон.

Мужчина, как две капли воды похожий на Боба Марли⁴⁹, расплачивался наличными. Глядя на то, как его узловатые пальцы с желтыми ногтями отсчитывают банкноты, Рикке в которой уже раз подумала, что идея с мостами была неудачной. В Карле Нильсене больше датского, чем в мосте Лиллебельтсбро, и, вообще, изображения великих людей придают банкнотам своеобразный шарм. Спускаешь пятисотенную, а старина Нильс смотрит на тебя, удивленно приподняв бровь, словно спрашивает: «уж не слишком ли ты разошлась, безмозглая транжира?». ⁵⁰ От моста подобного участия не дождешься.

За такие деньги (ох, недешево обходится приобщение к современному искусству!) Рикке ожидала увидеть внутри нечто необычное, но «Кнудсен галлери ХХII» была оборудована в лучших традициях минимализма. Простые белые стены, серый пол, никакой мебели, простые светильники, спускающиеся на кронштейнах с потолка, разделенного проводами и трубами на прямоугольники разного размера. «Уж если драть за билет такие деньги, так на пару диванов можно расщедриться!», с досадой подумала Рикке. Сама, впрочем, виновата – не обратила внимания на цену билета, когда изучала сайт. Голова была занята совсем другим, тем более что согласно расхожему мнению, сходить в музей это все равно как выпить кружку пива. Это смотря куда сходить... Можно было бы начать поиски и с более дешевого места, далась ей эта «Кнудсен галлери ХХII», тролль ее затопчи! Но и разворачиваться от дверей было бы неправильно, раз уж решила, так решила.

⁴⁵ Педер Морк Менстед (Peder Mork Monsted, 10.12.1859-20.06.1941) – мастер пейзажа, один из ярких представителей «золотого века» датской живописи.

⁴⁶ Фигуративизм – направление в изобразительном искусстве, акцентированное на изображении человеческой фигуры, реже – животных.

⁴⁷ Люсьен Фрейд (Lucian Michael Freud, 8.12.1922-20.07.2011) – известный английский художник.

⁴⁸ Nikolajkunsthall – крупный центр современного искусства в Копенгагене.

⁴⁹ Боб Марли (Bob Marley, полное имя Robert Nesta Marley, 1945 – 1981) – ямайский музыкант, гитарист, вокалист и композитор.

⁵⁰ С 2009 года Национальный банк Дании проводит замену серии банкнот 1997 года с изображениями знаменитых датчан на новую, темой которой являются мосты Дании. На старой банкноте номиналом в сто крон был изображен композитор и дирижер Карл Нильсен, а на новой – мост Лиллебельтсбро. На старой банкноте номиналом в пятьсот крон был изображен физик Нильс Бор, а на новой – мост королевы Александрины, называемый также Мост Мон.

Диваны нужны были Рикке совсем не для того, чтобы отдыхать на них во время осмотра. Шесть небольших залов, два блока по три, соединенных между собой угловатым, нарочито изломанным переходом – вот и вся галерея, обойдешь и не устанешь. Но, сидя на диване, удобнее завязать разговор с другими посетителями.

Рикке неожиданно ощутила на собственной шкуре, как нелегко труд детектива. Полтора часа любования абстрактным буйством красок и унылыми блеклыми фьордами прошли впустую, несмотря на то, что посетителей в галерее хватало, все они были какими-то чересчур деловитыми – обходили залы быстрым шагом, а, если и задерживались возле какой картины, то совсем ненадолго. Потычут пальцем в экран айфона и топают дальше. Рикке, подолгу простаивающая возле каждой картины, явно выпадала из общего ритма. Вдобавок, иероглифы, которыми подписывал свои картины китайский абстракционист, не имели ничего общего с рисунками Татуировщика, а творения норвежской пейзажистки навевали тоску.

Рикке уже собиралась уходить, когда увидела высокого мужчину в темно-сером костюме. Немного вытянутое лицо его показалось Рикке слегка знакомым. «Слегка» означало, что знакомы они точно не были, но где-то Рикке его видела. Делая вид, что любит картину под названием «Вид на Большую пагоду диких гусей в лунную ночь» (немного серых пятен на темно-синем фоне), Рикке краем глаза наблюдала за мужчиной, пытаясь вспомнить, откуда ей знакомо его лицо. Видимо, она делала это столь неуклюже, что мужчина обратил на нее внимание. И не просто обратил, а улыбнулся во все тридцать два великолепных зуба (уже за одну такую улыбку, должно быть, можно получить главную роль в Голливуде) и направился к Рикке.

– Госпожа Вилюмгард⁵¹ из «Зонтагсависен»?

Вопрос был задан в утвердительной интонации. Рикке так и подмывало кивнуть, потому что в тот момент, когда мужчина открыл рот, она узнала в нем виденного на фотографии владельца галереи Хенрика Кнудсена, но она благоразумно воздержалась и отрицательно покачала головой.

– Простите, – улыбка собеседника слегка потускнела, но оставалась все такой же радушной. – Не хотел вам мешать, но если уж так случилось, то позвольте представиться. Хенрик Кнудсен, владелец этого сарая.

– Рикке Юханссон, – ответила Рикке, подменив свою фамилию одной из самых распространенных.

– Вы художница?

– Нет, просто люблю живопись.

– Представьте себе – я тоже.

Кнудсену явно нечем было себя занять. Или тут принято знакомиться с посетителями? Обрадовавшись, что наконец-то ее дело сдвинулось с мертвой точки, да еще так удачно (от иероглифической подписи китайского художника можно невзначай, так, чтобы выглядело естественно, перекинуть мост к рисункам Татуировщика), Рикке забросила крючок.

– Но деньги вы явно любите больше, – уколола она. – Берете за вход сумасшедшие деньги, а на диванах экономите.

– Будь моя воля, то я бы пускал таких очаровательных женщин бесплатно и дарил бы им цветы, потому что они украшают мою галерею больше, чем вся эта мазня, – ответил Кнудсен, сопроводив свой комплимент церемонным полупоклоном.

– Кто же вам мешает? – задорно поинтересовалась Рикке. – Вы же здесь хозяин.

– Те, кому придется раскошелиться, затаскают меня по судам, – рассмеялся Кнудсен. – В современном обществе столько ограничений, что даже своей собственностью нельзя распоряжаться свободно, как захочется. Заяви я о чем-то подобном, как меня сразу же обвинят в дискриминации...

⁵¹ Søndagsavisen – популярный датский еженедельник.

– Только это вас останавливает?

Так вот и стоит завязывать знакомства, посредством легкого, ни к чему не обязывающего, бессодержательного трепа. Лучший из методов.

– Только это, – подтвердил Кнудсен и посмотрел на часы. – Насколько я понимаю, мое сегодняшнее интервью не состоится, так что я могу восстановить справедливость... м-м... в частном порядке.

– Это как? – не поняла Рикке.

– Хенрик Кнудсен, свободный гражданин свободной страны, исправит ошибку владельца этой галереи. Я могу вернуть вам триста пятьдесят крон прямо сейчас или мы можем сообща пропить эти деньги в моем любимом баре. Что вы выбираете, госпожа Юханссон?

О, этот Кнудсен, оказывается, тонкий психолог! Изучал психологию или просто природный дар? Предложение было сформулировано по всем правилам психологии и на него просто невозможно было ответить отказом. При большом желании, конечно, возможно, но выглядело бы это довольно некрасиво. Да и зачем отказываться?

– Пропить сообща было бы правильнее, – сказала она, старательно имитируя колебание, – если только...

– Что «если только»?

– Если только не будет считаться, что я сама напросилась и чем-то вам обязана, – закончила Рикке.

– Ну что вы, госпожа Юханссон, – лицо Кнудсена потускнело от огорчения. – Я же сам пригласил вас и сделал это без всякой задней мысли...

Если уж говорить начистоту, то с Кнудсену Рикке могла бы и простить эти самые «задние мысли». Ей нравились высокие широкоплечие спортивные мужчины нордического типа, настоящие викинги. Ну а викинг с хорошими манерами и умными глазами – это настоящий подарок судьбы. Возможный подарок.

– Сколько вы еще планируете пробыть в галерее?

– Я уже собиралась уходить, – призналась Рикке.

– Любите абстрактную живопись? – Кнудсен окинул взглядом «Большую пагоду» так, словно видел ее впервые.

– Смотря какую, – уклончиво ответила Рикке. – В этой картине меня больше привлекает подпись художника.

– Подпись? – Кнудсен заинтересованно склонился над правым нижним углом картины. – А что с ней не так? Могу вас заверить, что это оригинал. Автор лично передал мне свои картины и принимал участие в оформлении выставки. Он сейчас в Копенгагене и...

– Нет-нет, – перебила Рикке. – У меня нет никаких сомнений в подлинности картины. Просто иероглифы напомнили мне те знаки, что наносит на мертвые тела маньяк...

– Ах, вот оно что! – Кнудсен выпрямился и внимательно посмотрел на Рикке. – Могу вас заверить, госпожа Юханссон, что господин Сюй здесь не при чем. Во-первых, он вегетарианец, убежденный противник любых убийств, а, во-вторых, он живет не в Копенгагене и, даже, не в Европе, а в китайском городе Сиань. Вы были когда-нибудь в Китае?

– Нет.

– Если соберетесь, то начинайте знакомство с Сианя, – посоветовал Кнудсен. – Уникальный город, буквально нафаршированный древностью. Я провел там одну из лучших недель своей жизни госпожа, Юханссон.

– Спасибо, господин Кнудсен, я непременно последую вашему совету, – церемонно ответила Рикке.

– Наверное, нам будет удобнее обращаться друг к другу по именам, – спохватился Кнудсен, уловив иронию. – Если вы, конечно, не против, Рикке.

– Я не против, Хенрик, – заверила Рикке. – Ведите меня в ваш любимый бар.

– Лучше поедem на такси. Он довольно далеко.

Любимым баром Кнудсена оказался многолюдный и шумный молодежный бар, расположенный в самом сердце Вестербро. Рикке ожидала чего-то другого, более чопорного, что ли, и, конечно же, менее шумного. Облик Кнудсена скорее ассоциировался в ее воображении с «Рояль-баром» в отеле «Рэдиссон» или с респектабельными заведениями на Строгет,⁵² где порция выпивки стоила, как билет в его галерею.

– В моем сарае всегда так тихо, что для отдыха я предпочитаю шумные места, – прокомментировал Кнудсен, будто прочитав мысли Рикке. – Здесь мило, не правда ли?

– Мило, – согласилась Рикке, оглядывая битком набитый зал и прикидывая, найдется ли здесь свободное место.

Место нашлось и довольно уютное – в углу, отгороженное от прочей публики колонной. В представлении Рикке, весьма далекой от архитектуры, число колонн должно было быть четным, но проектировщик этого зала смело обошелся тремя, причем все они шли вдоль одной стены.

Под третью порцию пива Рикке осмелела настолько, что заговорила о живописи. Начала с Фрейда.

– Фрейд?! – оживился Хенрик. – Обожаю этого вредного чувака! Только он мог так стильно отомстить старухе Лиз⁵³ за отказ позировать столько, сколько нужно. Изобразил ее пучеглазой жабой! Но и старуха оказалась на высоте – дала ему орден. Изячно, а? У Виндзоров изящество в крови, это не наши Глюксбурги...⁵⁴ А кто еще из фигуративистов вам нравится, Рикке?

– Ну... наверное больше никто, – замялась Рикке и, чтобы не выглядеть полной дурой, начала критиковать пейзажи, выставленные в «Кнудсен галлери».

Критиковать всегда проще, чем хвалить, потому что в похвале изначально больше конкретики. А вот туманное «на мой взгляд, этим картинам не хватает экспрессии» можно смело вставлять в любой разговор об искусстве. Или же, пожимая плечами, сказать «мне кажется, что художник недостаточно искренен». Попробуй-ка с этим поспорь.

Хенрик внимательно слушал, кивал, поддакивал, отпускал уместные замечания, а когда в разговоре возникла пауза, внимательно и не без удивления, как показалось Рикке, посмотрел на нее и спросил:

– Кто вы, прелестная валькирия?

– Я?! – опешила Рикке, не ожидавшая подобного вопроса. – В каком смысле?

– В смысле – какую должность вы занимаете в полиции? – уточнил Хенрик.

– ЁI-ы-м-у, – ответила Рикке, утратив дар связной речи.

Вообще-то она хотела спросить «с чего вы это взяли», но Хенрик прекрасно понял вопрос, да и о чем еще можно было спрашивать.

– Я обратил на вас внимание еще в галерее, – с улыбкой сказал он, – вы переходили из зала в зал и возле каждой картины простаивали одинаковое время. Создавалось впечатление, что вы ждете кого-то, вот я и принял вас за журналистку. Но стоило вам заговорить о монстре, который татуирует убитых им женщин, как я подумал, что вы, должно быть, из полиции. Ну а после разговора о живописи, в которой вы, Рикке, совершенно не сведущи, я окончательно убедился в этом. Только непонятно, чем я мог заинтересовать полицию и почему бы не задать вопросы открыто, тем более что я готов на них ответить. Давайте обойдемся без маскарада, тем более, что маски, кажется, сорваны. Или я ошибаюсь?

⁵² Пешеходная зона в центре Копенгагена.

⁵³ Речь идет о королеве Великобритании Елизавете II, относящейся к Виндзорской династии.

⁵⁴ Глюксбурги (полное название – Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбург) – династия, к которой относится королева Дании Маргрете II.

– Вы не ошибаетесь, Хенрик, – вынуждена была признать припертая к стене Рикке, – я действительно работаю в полиции Копенгагена, только не детективом, а психологом, и меня действительно интересует Татуировщик, только интерес этот скорее не служебный, а личный.

Брови Хенрика удивленно приподнялись.

– То есть, я ищу его не в рамках служебных обязанностей, а в свободное время, – пояснила Рикке.

– Зачем это вам, Рикке?

– Затем, что мне не нравятся его дела, Хенрик. Поэтому я и хочу...

– Мне они тоже не нравятся, – кивнул Кнудсен. – А вот вы, нравитесь. Поэтому я готов вам помочь. Если, конечно, смогу...

– Я вам нравлюсь? – иронично переспросила Рикке, хорошо зная цену таким вот скоропалительным признаниям. – Хенрик, уж не слишком ли вы торопитесь?

– Вы – сотрудник полиции, а полиции надо говорить правду, – невозмутимо ответил Хенрик. – Кроме того, вы психолог, значит должны разбираться в мотивах. Если бы вы мне не нравились, я не пригласил бы вас скоротать вечерок в этом благословенном месте. Но мое отношение, Рикке, ни к чему вас не обязывает. И помощь я вам предложил от чистого сердца.

Рикке показалось, что откуда-то сверху ей грозит пальцем святая Бригитта, словно говоря: «Я так старалась помочь тебе, девочка, а ты вот-вот все испортишь. Будь благоразумна, а то я больше не стану тебе помогать, у меня дел хватает...».

– Спасибо, Хенрик, – как можно приветливее, едва ли не ласково, сказала Рикке. – Это так здорово, что вы хотите мне помочь. Я иногда бываю колючей, но на это не стоит обращать внимания...

Рикке достала из сумки блокнот, где помимо прочего были и срисованные знаки Татуировщика, и под оглушающий грохот габбера ознакомила Хенрика со своей теорией. Немного волновалась, вдруг он, подобно многим, тоже ее не поймет. Но волнения оказались напрасными. Внимательно выслушав Рикке, Хенрик помолчал немного, рассматривая рисунки, а затем сказал:

– Вы правы, Рикке, стиль здесь чувствуется. И довольно своеобразный, то есть эту руку не так уж трудно узнать.

Рикке чуть не подпрыгнула на стуле от радости. Это надо же такому случиться – с ней согласился человек, который разбирается в живописи! И даже готов помочь в поисках! Значит это далеко не такая чушь, как считают некоторые, не видящие ничего дальше собственного носа!

Чем больше непонимания и насмешек достается от окружающих человеку, тем большую радость испытывает он, встретив единомышленника, или, хотя бы того, кто выслушает и поймет. К концу вечера отношение Рикке к Хенрику изменилось с нейтрально-любопытного на дружеское и, даже, более чем дружеское. Если бы вздумалось намекнуть на секс, он вряд ли бы встретил отказ. Но Хенрик и не думал намекать. Расплатившись по счету, он довез Рикке до дому, а на прощанье, в дополнение к своей визитной карточке, вручил ей пластиковый прямоугольник с логотипом своей галереи (черные буквы «К» и «Г» в черном же квадрате – строго и стильно).

– Это вечный входной билет, – сказал он. – Приходи, когда хочешь. А насчет диванов я подумаю. Главное подобрать такие, чтобы они не утяжеляли пространство. Ты права, в галерее должна быть возможность посидеть, полюбоваться, переварить впечатления. Спасибо за ценную мысль.

К тому времени они уже успели перейти на «ты».

– А тебе спасибо за приятный вечер, – ответила Рикке, озабоченно роясь в своей объемистой сумке.

Визитные карточки как сквозь землю провалились. Всегда так, стоит только полезть за ключами или за кошельком, как визитница трижды попадетя тебе в руки. А когда она нужна, ее не доищешься. Пришлось написать номера телефонов на вырванном из блокнота листке.

– В пятницу вечером я тоже свободен, – как бы, между прочим, заметил Хенрик, аккуратно складывая листок и пряча его в бумажник. – И не исключено, что к тому времени у меня могут появиться кое-какие соображения... Меня сильно заинтересовала твоя идея. Не только как гражданина, обязанного помогать полиции, но и как художника. Я ведь художник, хоть и не пачкаю красками холсты...

– Позвони мне днем в пятницу, – ответила Рикке. – Надеюсь, что у нас не будет никакого форс-мажора.

Хенрик уехал не сразу – стоял и ждал, пока Рикке не войдет в подъезд. Рикке не хотелось думать о том, какое впечатление сложилось у Хенрика о ней при виде того, как она шарит рукой в сумке и истерично смеется. Виной тому была проклятая визитница, то и дело прыгавшая к ней в руку вместо вожделенных ключей.

5

Пятничный вечер, как и положено, начался со смёрребрёдов⁵⁵ и пива, пившегося под традиционное: «Bunden i vejret eller resten i haret!».⁵⁶

Между делом Хенрик упомянул о том, что картины, которые ему действительно нравятся, висят не в «Кнудсен галлери», а у него дома. Рикке сразу же захотелось взглянуть на эти картины и она напросилась в гости. Долго напрашиваться не пришлось, Хенрик согласился показать картины сразу же, да вдобавок заметил, что дома у него много удобных кресел и диванов. В итоге оказалось, что всего удобнее огромная квадратная кровать, пять на пять альнов,⁵⁷ на которой Хенрик и Рикке очень приятно провели время.

Начали с поцелуев. Целуя, Хенрик не спешил просовывать свой язык в рот Рикке, а нежно касался им ее губ, словно спрашивая разрешения на большее. Уже от одних этих касаний у Рикке помутилось в голове. Она ответила на поцелуй со всей страстью, на которую только была способна. Сердце забилось так, словно хотело выпрыгнуть наружу, по телу разлилась жаркая истома, Рикке судорожно вздохнула и охватила Хенрика за шею так крепко, словно кто-то собрался его у нее отнять.

Девяносто девять мужчин из ста просто подтолкнули бы Рикке к кровати, но Хенрик подхватил ее на руки, поцеловал, очень интимно, доверительно, потерся щекой о ее щеку, шагнул вперед, поцеловал еще раз и бережно положил на шелковую простыню. Когда он успел сдернуть белоснежное покрывало, Рикке так и не поняла, да и до покрывала ли ей было...

С проворством, достойным восхищения, Хенрик освободил Рикке от одежды и начал целовать ее шею, спускаясь все ниже и ниже. Когда он дошел до сосков, Рикке почувствовала такой сильный прилив желания, какого давно уже не испытывала и призывно застонала, потому что говорить уже не могла. Хенрик не обратил никакого внимания на ее стон, продолжая свое неспешное путешествие к сокровенным местам, разве что поцелуи его стали жарче. С каждым мгновением желание становилось все сильнее. Рикке уже не контролировала себя, она растворилась в ласке и хотела только одного, того, чего Хенрик не спешил ей давать.

Это было настоящее волшебство, потому что Хенрик чувствовал Рикке лучше, чем сама она чувствовала себя. Рикке казалось, что прямо сейчас она взорвется, нет – умрет, будучи не в силах выносить томление, но Хенрик чувствовал, что она еще не дошла до наивысшего предела, и не торопился. То, что он делал, можно было назвать мучением, но это было самое сладостное из всех мучений, ожиданием чего-то сверхъестественного, невозможного, незабываемого. Рикке то запускала руки в волосы Хенрика, то иступленно стучала кулаками по кровати, стонала, выгибалась дугой, хрипела, возможно, даже, кричала во весь голос, был за ней такой грешок.

В самый нужный момент, тот самый, за которым оставалось или вознестись к небесам фонтаном наслаждения, или провалиться в бездонную пропасть, Хенрик вошел в Рикке, и сделал это так нежно, словно она была хрупкой фарфоровой статуэткой. Рикке едва не задохнулась от невероятного избытка эмоций. Она обняла Хенрика и это проявление любви стало той каплей, которая переполнила чашу желания. Рикке напряглась, как натянутая тетива, и забилась под Хенриком, словно выброшенная на берег рыба. Она успела услышать, как протяжно застонал Хенрик, но больше ничего уже не слышала и не видела. Многоцветные огни взрывались перед глазами, но весь этот невероятный фейерверк был совершенно бесшумным...

⁵⁵ Smørtebrød (дословно «хлеб с маслом») – сложный датский бутерброд, обязательной частью которого является сливочное масло.

⁵⁶ «Пей до дна или остаток прольется на твои волосы!», распространенный датский тост.

⁵⁷ Альн («локоть») – старинная мера длины, принятая в Скандинавии. Датский альн равен 62,8 см.

Рикке очнулась от нежного прикосновения губ Хенрика к ее плечу. Выражение его лица было совсем не таким, как обычно, а по-детски радостным и эта перемена, наложившись на переполнявший Рикке восторг, ознаменовала рождение сокровенной связи между ними, рождение чего-то интимного, нематериального, призрачного, но, в то же время невероятно сильного и невероятно важного. Рикке прикрыла глаза, чтобы полнее насладиться этим ощущением, и незаметно заснула.

Как и следовало ожидать, радушный хозяин проснулся первым, чтобы приготовить гостю завтрак и привезти его в спальню. Понятия о еде у Хенрика были правильными до неправильности, если можно так выразиться. Никаких обезжиренных йогуртов с овсяными хлопьями – тосты, сливочное масло, хаварти⁵⁸, яичница с беконом, ветчина, нежные ломтики лосося, салями, клубничный джем... Все три яруса сервировочного столика были уставлены сплошняком.

– Я должна все это съесть?! – притворно ужаснулась Рикке, хотя наутро после секса аппетит у нее был зверский.

– Я тебе помогу, – пообещал Хенрик и добросовестно умял две трети привезенного.

Выпив кофе, Рикке попросила еще, но пока Хенрик ходил на кухню, передумала и, сразу по возвращении, соблазнила его. Соблазнила, потому что просто невозможно было удержаться от того, чтобы не соблазнить. Любовником Хенрик оказался таким, как можно было предположить по впечатлению, сложившемуся в ходе общения – ласковым, нежным, чувственным, старательным, искушенным... Хенрик так трогательно заботился о том, чтобы Рикке получила свою порцию удовольствия, что за одно только это в него можно было влюбиться. Большинство мужчин Рикке были эгоистами не только в жизни (что вполне естественно), но и в сексе (что сильно портило впечатление). Некоторые еще и интересовались, насколько хорошо было Рикке с ними, хотя на самом деле думали только о собственном удовольствии. Это особенно раздражало. У каждого, разумеется, были какие-то достоинства, в определенной мере компенсировавшие это эгоистическое поведение, иначе бы Рикке с ними и не связывалась. Но секс, во время которого ты спешешь достичь наслаждения раньше, чем это сделает партнер, зная, что потом тебе ничего уже не обломится, нельзя назвать полноценным.

От Хенрика с его идеальной внешностью человека без недостатков (чуть удлиненная форма головы не в счет) и печатью буржуазной добропорядочности на лице можно было ожидать пресного секса. Сначала Рикке показалось, что Хенрик из тех, кто стрижет ногти исключительно по пятницам,⁵⁹ в Мартынов день⁶⁰ ищет, кому бы подать милостыню, а «Кама-сутру» воспринимает исключительно в качестве учебника по акробатике. Впрочем, так оно, наверное и правильнее. Был недолго в жизни Рикке один повернутый на Индии чувак, который чуть руку ей не вывихнул, следуя этой самой «Кама-сутре». Но, черт возьми, это было так увлекательно – забираться в постель, раскладывать перед собой потрепанную книгу и добросовестно пытаться повторить все эти «способы возлежания»...

К счастью, Рикке ошиблась насчет Хенрика. Неизвестно, читал ли он индийские трактаты или учился любви по наглядным пособиям (по производству этих самых пособий Дания стоит на втором месте в Европе, уступая лишь Венгрии), но науку любви он освоил хорошо. Даже очень хорошо. Секс с Хенриком оказался не просто любовной игрой, а чем-то вроде таинства. Хенрик не просто любил, он священнодействовал. И делал это очень красиво, даже утонченно.

– *Satur libido parit*, – сказал Хенрик, когда все закончилось и перевел, – сытость рождает похоть.

⁵⁸ Havarti – сорт полутвердого датского сыра, изготовленного из пастеризованного коровьего молока и имеющего острый пикантный аромат.

⁵⁹ Согласно старинному датскому поверью, подстригать ногти в пятницу – к счастью.

⁶⁰ 11 ноября католическая церковь чтит память Святого Мартина, архиепископа Турского, в этот день в 397 году состоялась его похороны. В честь святого в этот день принято подавать милостыню.

– Откуда ты знаешь латынь? – спросила Рикке, поднося к губам чашку с остывшим кофе. – Изучал право?

Столик они только чудом не опрокинули, потому что резвились на краю кровати.

– Разве я похож на законника? – удивился Хенрик, хотя как раз на законника он и был похож. – Я изучал историю искусств в Кембридже.

– Завидую тебе, – Рикке закатила глаза к потолку, – это, наверное, очень приятно, изучать историю искусств. Не учеба, а сплошное развлечение.

– В какой-то мере ты права, – согласился Хенрик. – Моим друзьям-математикам пришлось сложнее. Но зато один из них за пять лет сколотил себе состояние, играя на бирже, а другой стал директором департамента в Хьюлетт-Паккард и это еще не предел. А я...

– А ты владеешь картинной галереей, в которой так удобно заводить знакомства с женщинами! – подколола Рикке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.